

Мент

Александр Золотько

Мент для новых русских

«Автор»

Золотько А. К.

Мент для новых русских / А. К. Золотько — «Автор», — (Мент)

ISBN 5-17-033026-X

Новой русской элите нужна собственная полиция, состоящая из неподкупных, независимых профессионалов. Таких, как крутой опер Юрий Иванович Гринчук. Вот только характер у него слишком независимый. И прежде чем получить право самостоятельно карать и миловать олигархов, капитан должен показать, что он именно тот, кто нужен. Поэтому ему поручают дело, где в один кровавый клубок спутаны интересы бандитов, прокуратуры, чиновников, бизнесменов...

ISBN 5-17-033026-X

© Золотько А. К.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2.	24
Глава 3.	35
Глава 4.	46
3.Площадка перед домом. День.	47
4.Площадка перед клубом. День.	48
5.Вестибюль клуба. День.	49
6.Площадка перед домом. День.	50
7.Казино. День.	52
8.Площадка перед домом. День.	53
9.Казино. Вечер.	54
10.Площадка перед домом. Вечер. Взглядом Михаила.	55
11.Подъезд дома. Вечер.	56
12.Крыльцо Клуба. Вечер.	57
13.Площадка перед домом. Вечер.	58
14.Подъезд. Вечер.	59
15.Подвал. Вечер.	60
16.Площадка возле метро. Вечер.	62
17.Подвал. Вечер.	63
18.Площадка перед домом. Вечер.	64
19.Подъезд. Вечер.	65
20.Площадка перед домом. Вечер. Взгляд Михаила.	66
21.Подъезд. Вечер.	67
22.Площадка перед домом. Вечер.	68
23.Подъезд. Вечер.	69
24.Площадка переддомом. Вечер.	70
25.Подвал. Вечер.	71
26.Площадка перед метро. Вечер.	72
27.Площадка перед домом. Вечер.	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Александр Золотько

Мент для новых русских

Глава 1

Бойцы были друг на друга совершенно не похожи. Один был подвижным и изощренным. Его удары были коварны и быстры. Но противник его лучше держал удары.

Того, который был крупнее, звали Никита, второго, помельче – Юрка. Фамилии у обоих если и были, то их вспоминали редко. Оба, и Никита и Юрка, работали телохранителями и, в принципе, должны были сейчас не драться, а охранять своих хозяев.

Хозяева должны были еще в первую секунду драки остановить телохранителей. А телохранители других участников этого пикника для избранных, в принципе, могли бы вмешаться и растащить драчунов.

Но никто ничего предпринимать не стал.

Не исключено, что чопорность мероприятия гостям несколько поднадоела. Лужайка перед домом, на которой были расставлены столики, струнный квартет во фраках и предупредительный говорок официантов, конечно, должны были настраивать на возвышенный лад, но гости – а их собралось несколько десятков человек – гости, во всяком случае, некоторые из них, за два часа, прошедших с момента приезда на пикник, не прочь были развлечься не так утонченно. Как после сладкого торта иногда начинает хотеться погрызть корочку черного хлеба. Поэтому начало драки было воспринято без негодования и протестов.

Собственно, начало драки никто и заметить-то не успел. Все обернулись на шум, когда Юрка, попал-таки под удар Никиты и, падая, перевернул столик с бутылками. Официант, дежуривший возле бара, попятился, не теряя при этом служебного достоинства.

Упасть Юрка упал, но быстро перекатился и вскочил как раз к тому моменту, когда Никита попытался его добить.

Вообще-то, красивые удары ногой в голову стоящего человека чаще всего можно увидеть в кино. Профессионалы в серьезных схватках так высоко ноги стараются не поднимать. Ну, разве что, до бедра, до пояса. Высокий удар чреват серьезными последствиями для бьющего, если у противника хорошая реакция.

Юрка ударил в голову. Никита удар пропустил. Он не ожидал, что Юрка так быстро сумеет контратаковать. И поплатился. Вернее, на его месте поплатился бы любой другой. Никита же дернул головой, замер на мгновение, а потом ударил в ответ. Кто-то из зрителей заплодировал.

– Как вы полагаете, – пригубив фужер, поинтересовался Владимир Родионыч у Полковника, – кто из них победит?

– Дружба, – несколько угрюмо ответил Полковник.

– Да? – удивленно приподнял бровь Владимир Родионыч. – А они что, дружат?

– Дружат их работодатели, – пояснил свою мысль Полковник. – Во всяком случае, не враждуют. Через некоторое время господам надоест смотреть на драку телохранителей, а те, в свою очередь, подустанут и прекратят махать ногами.

Никита снова пропустил серию быстрых ударов, героически проигнорировал их и умудрился попасть в Юрку хуком справа. В корпус. Юрка отлетел, но на ногах устоял.

– Если все так хорошо закончится, то почему у вас такой недовольный вид? – поинтересовался Владимир Родионыч. – Неужели вам жалко кого-нибудь из них?

Юрка снова попытался ударить ногой в голову, но на этот раз Никита успел отреагировать, и Юрке пришлось вырываться из захвата каким-то совершенно уж немыслимым пируэтом.

– Мне жалко нас с вами, Владимир Родионыч, – сказал Полковник.

– Да? А что, мы следующие на очереди? – Владимир Родионыч допил вино и поставил фужер на снежно-белую скатерть.

– Представьте себе – да, – кивнул Полковник. – Причем, в любой момент.

– Что вы говорите? Тогда я вас очень прошу, когда дойдет до дела, не бейте меня по почкам, они у меня и так, знаете ли, не в лучшем состоянии.

Никита, наконец, смог вцепиться в Юрку и начал методично избивать его правой рукой. Брызнула кровь. Но никто снова не вмешался. Наоборот, гости даже придвинулись ближе. Тот, кого в принципе должен был охранять Юрка, неодобрительно покачал головой и отвернулся.

– Вот, обратите внимание, – сказал Полковник, – все рассматривают это как развлечение...

– И только вы видите в происходящем угрозу всем нам, – закончил фразу Владимир Родионыч. – Оставьте, Полковник, ничего страшного не произошло. Просто два ограниченных человека решили разобраться в своих отношениях единственным доступным для них способом. И, кажется, аргументы этого здоровяка оказались более убедительными. А вы говорите, дружба...

В этот момент Юрка нанес удар, который в дворовых драках считается совершенно недопустимым. Никита схватился за ушибленное место и попятился.

– Теперь очаровательная Маргарита начнет волноваться, – сказал Полковник, кивнув в сторону сорокалетней дамы, которую должен был опекать Никита.

Дама всплеснула руками, и по лицам окружающих пробежали зайчики от бриллиантов в ее кольцах.

– И все-то вы знаете, – неодобрительно покачал головой Владимир Родионыч. – Вот, разве что, не знаете, почему вспыхнула эта потасовка.

– Отчего же не знаю? Знаю, – Полковник налил себе в фужер вина. – У телохранителя Маргариты пропал бумажник, который потом отыскался в машине телохранителя Александра. Никита, судя по всему, обиделся, а Юра вину свою признавать не стал. Вот все так и произошло.

Из разбитого носа Юры текла кровь, пятная светло-кремовый костюм, а черный костюм Никиты был несколько разодран в области спины.

– Я не перестаю вам удивляться, – развел руками Владимир Родионыч, – ведь вы даже не вставали из-за стола, но все равно все обо всех знаете. Ведь это произошло всего пару минут назад. Или вы меня разыгрываете?

Противники немного отдышались и снова начали сходитьсь.

– Да они прекратят сегодня? – недовольным тоном и достаточно громко спросил Владимир Родионыч.

– Не трудитесь, – Полковник иронично улыбнулся, – вас сейчас не услышат. А если услышат, то бойцы все равно вашего приказа не выполнят, у них есть свои хозяева. А вассал моего вассала – не мой вассал.

– А если я прикажу своим вассалам вмешаться?

– Тогда в потасовку включатся коллеги Юры и Никиты, и мы с вами увидим славную битву трех воинств.

– И совершенно нет выхода? – спросил Владимир Родионыч.

– Если бы это была пьяная потасовка в кабаке, то все прекратилось бы после приезда милицейского патруля. Сержантам, знаете ли, недосуг разбираться в том, кто чей вассал.

Прыжки Юрия стали не такими упругими, но и Никита двигался намного тяжелее, чем в начале драки, время от времени придерживая ушибленное место.

– Сержантов, говорите, нужно вызвать? – задумчиво спросил Владимир Родионыч.

– Это я фигурально выражаюсь, подбираю аналогию. Вот в древнем мире функции милиции исполняли рабы – либо государственные, либо рабы правителя. И этим решалось сразу множество проблем. Никто из свободных людей не мог сопротивляться рабам, это было слишком унижительно, – Полковник неодобрительно покачал головой. – Мне эта битва титанов уже надоела. Пора прекращать.

Полковник встал из-за стола, прошел через лужайку, на которой были расставлены столики, подошел к Маргарите и что-то сказал, наклонившись к самому ее уху. Потом проделал ту же процедуру с Александром и вернулся на свое место.

– Никита! – громко сказала Маргарита, и этот ее окрик совпал с окриком Александра.

– Юрка!

Бойцы замерли, поглядели друг на друга с видимым облегчением и подошли к хозяевам.

– Финита ля... – сказал Полковник.

– Это впечатляет, – похлопал в ладоши Владимир Родионыч. – Но вы так и не пояснили мне, откуда такая информированность о причинах драки. Или это просто предположение?

Гости, несколько разочарованные окончанием драки, снова обратились к своим столикам. Струнный квартет вернулся к прерванной мелодии. Кажется, что-то из Вивальди. Официанты в белых смокингах прибыли на поле брани и занялись уборкой обломков мебели и осколков посуды.

– Какое там предположение! – Полковник чуть поддернул рукава пиджака и поправил запонки на манжетах рубашки. – Кошелек пропал у Никиты и нашелся у Юрки.

– Откуда вы это знаете?

– Я, если хотите знать, сам вытащил лопатник у Никиты и подбросил его в машину.

– Вы?

– А больше никому. Я, как вы могли заметить, телохранителями не пользуюсь. Любезный, – Полковник поманил пальцем проходившего мимо официанта, – если я не ошибаюсь, говорили что-то о крабах?

– Да. Свежайшие, дальневосточные.

– Тогда мне порцию, – Полковник оглянулся на Владимира Родионыча. – Вам тоже? Тогда, любезный, две порции.

– Минуту, – официант ушел.

Ушли куда-то и бойцы. По-видимому, приводить свой внешний вид в соответствие с утонченностью мероприятия.

– Что? – спросил Полковник, увидев, что Владимир Родионыч смотрит на него почти потрясенно.

– Вы украли кошелек у телохранителя Маргариты?

– А что здесь такого? Он так был занят разглядыванием девочек из obsługi, что у него можно было забрать абсолютно все. Потом кошелек я, проходя, сунул в «опель» Юрки, он просто оказался ближе всех. А потом позвонил на трубу к Никите и сообщил, что...

– Вы оклеветали несчастного Юрия? Сказали, что это он украл кошелек?

– Ни в коем случае, за кого вы меня принимаете, – возмутился Полковник. – Я просто сказал, где именно лежит лопатник. А что при этом подумал Никита – это вовсе не мое дело. Совершенно.

Подошел официант и поставил на стол тарелки и блюдо.

– Пахнет – умопомрачительно, – приняв хавшись, произнес Полковник.

* * *

И так уж бывает на свете, что именно в это мгновение, на другом конце города эту же фразу произнес капитан. Капитан милиции Юрий Иванович Гринчук принялся к запахам, исходящим с кухни в доме его коллеги, капитана милиции Валентина Николаевича Егорова.

Гринчук только-только переступил порог квартиры Егорова и ждал, когда тот выйдет из ванной.

– Поздненько он у тебя купается, – сказал Гринчук жене Егорова, Марине.

– Да он только пришел. Почти сутки где-то шлялся.

– Так работа такая, – пожал плечами Гринчук.

– Работа... Ты разуйся и проходи, обедать будем.

– Спасибо, но мне некогда. И супругу твоему, похоже, тоже будет некогда.

– Я же плов приготовила, – растерянно протянула Марина.

Плов был предметом особой гастрономической гордости семейства Егоровых. Его готовили по особому рецепту, приправляли массой разных пряностей и обильно сдабривали зернышками граната.

– Пахнет – умопомрачительно, – сказал Гринчук.

– Валька, паразит, не сказал, что уходит.

– Да он и сам не знает еще, – Гринчук почесал в затылке и посмотрел на часы. – Не успеет, пожалуй, покушать.

– Это кто не успеет? – громогласно поинтересовался Егоров, выходя из ванной.

– Да ты и не успеешь, – ответил Гринчук. – Нам пора ехать.

– Это еще куда?

– За кудыкины горы, продавать помидоры. Одевайся, гражданин начальник, поедем вести незримый бой, так назначено судьбой для нас с тобой – служба дни и ночи. И поживее, а то не видать нам твоих майорских звездочек, как моих.

– Типун тебе, Юрка, на язык, – Егоров скрылся в спальне и уже оттуда спросил. – А куда все-таки нас несет нелегкая?

– Если бы я знал, то, честное слово, немедленно сообщил бы. А так...

Марина чем-то грохнула на кухне.

– Не расстраивайся, Марина, я так полагаю, что это не надолго. Часа на два-три. А потом муж твой вернется домой.

– Знаем мы эти ваши два-три часа, – Марина в сердцах хлопнула дверцей холодильника.

– Слово офицера, – Гринчук заглянул на кухню, – если начальство попытается загнать твоего супружника в командировку или на какое иное мероприятие, то я приму удар на себя.

– Честно?

– Гадом буду, век майора не видать, – поклялся Гринчук.

– Юра, я тебя умоляю, – молитвенно сложила на груди руки Марина. – Мы сегодня как раз собрались съездить в моей маме.

– Я готов, пошли, – Егоров расчесал перед зеркалом в коридоре влажные волосы.

– Не пошли, а поехали. Причем, на твоей машине, – сказал Гринчук.

– А бензин? – привычно пробурчал Егоров.

– Заедем на заправку возле Солдата, они нам еще должны, – предложил Гринчук.

– Заедем, – тяжело вздохнул Егоров.

– Мы быстро, Марина, – сказал Гринчук.

– Если что – я перезвоню, – сказал Егоров.

* * *

И снова странно совпало. Владимир Родионыч, вставая из-за стола, помахал рукой Антону Игнатьевичу за соседним столиком и произнес в свою очередь: «Если что – я перезвоню».

Потом обернулся к Полковнику и спокойно поинтересовался:

– Куда вы предлагаете отправиться?

– Здесь недалеко.

– И вы утверждаете, что это имеет отношение к вашему... э-э... недавнему эксперименту? – Владимир Родионыч кивнул, проходя, своему телохранителю и, пройдя через дом, вышел на крыльцо и вздохнул полной грудью. – Почему эти... нынешние... э-э... новые, так стремятся уехать отдыхать на южные моря? Ведь наши места куда как лучше.

Полковник спрятал в карман сотовый телефон и остановился возле Владимира Родионыча. Молча.

– Вы решили превратить мой вопрос в риторический? Или я, наконец, нащупал тему, по которой у вас нет информации?

– Вы нащупали тему, – спокойно сказал Полковник, – развитие которой может вызвать ваше неудовольствие.

– Вот как? Вы точно знаете, что я не прав, и что отдыхать нужно в тропиках? – приподнял бровь Владимир Родионыч.

– Я точно знаю, что вы... – подъехала машина, и Полковник не закончил своей мысли.

Оба собеседника сели на заднее сидение. Машина плавно тронулась с места.

– Так что вы точно знаете обо мне? – поинтересовался Владимир Родионыч.

– Братки едут отдыхать к экватору, желая оторваться от работы и стать одним из просто богатых людей, не объясняя никому, откуда бабки. Там ведь не спрашивают. Они там – часть природы, если хотите, а здесь...

– А что здесь?

– Помните старый анекдот, когда новый русский решает, ехать ему в Африку на сафари или нет. Уточняет, что там делать. Ему говорят – ездить на джипе и из ружья по быкам стрелять. Тут «новый» обиженно заявляет: «Мне это, в натуре, и здесь надоело!», – Полковник мельком глянул на собеседника.

Тот немного обиженно поджал губы.

– Вы хотите сказать, что я здесь не работаю? – спросил после паузы Владимир Родионыч.

– Ну что вы, – засмеялся Полковник, – это было бы неправдой. Дело в другом. Браткам здесь иногда приходится объяснять, где они взяли деньги. А вам там пришлось бы объяснять, почему к вам нужно относиться особо, исключительно, я бы сказал. А там и к вам и к браткам будут относиться одинаково. Вы ведь уже отвыкли объяснять окружающим, кто вы. За вас это делают. Вот такие за вас это и делают...

Машина как раз проезжала мимо КПП, и Полковник кивнул в сторону охранников.

– Ну... – протянул Владимир Родионыч.

– Ну, не такие, – согласился Полковник. – Рангом повыше. Вот, например, этот.

Навстречу их машине проехал темно-лиловый «мерседес».

– А это кто? – поинтересовался Владимир Родионыч.

– А это, можно сказать, наш посредник с окружающим миром. Андрей Петрович, – пояснил Полковник.

– Андрей Петрович?

– Вы его можете и не знать, потому что ваш Николай надежно ограждает вас от излишних забот...

– Вы сказали это неодобительно.

– Проведем чисто умозрительный эксперимент, – предложил Полковник и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Вот если сейчас вас высадить вот здесь и попросить вернуться на пикник. Как вы полагаете, вы сможете это сделать?

Владимир Родионыч оглянулся, пожал плечами:

– А почему бы и нет. Я что, по-вашему, ходить разучился?

– Нет, я имею удовольствие играть с вами в теннис и не сомневаюсь в вашей физической форме, – улыбнулся Полковник. – Вас просто не пропустит охрана. Они вас не знают. И что самое печальное, даже Андрей Петрович может вас не признать, так как вы с ним не общаетесь. Охрана знает только вашу машину и вашего Николая. А вас...

– Хорошее у вас сегодня настроение, – неодобительно произнес Владимир Родионыч.

– Опасаюсь, что и у вас скоро будет не лучше, – пообещал Полковник.

– Ну, хоть намекните, куда мы едем? – спросил Владимир Родионыч.

* * *

... – Так куда ехать? – спросил Егоров.

– Тут недалеко, – сказал Гринчук. – Только притормози вот здесь, возле киоска, купить кое-что нужно.

Капитан вышел из машины, подошел к киоску, сунул в окошко деньги и, чуть подождав, получил полиэтиленовый пакет. Когда сел в «жигули» Егорова, зацепил сумкой за дверцу. Раздался мелодичный перезвон бутылок.

– По какому поводу? – поинтересовался Егоров, трогая машину с места.

– Ехай, касатик, ехай, – махнул рукой Гринчук. – Знаешь лесопосадку сразу за трассой?

– У пруда, что ли?

– У него.

– На лоно природы потянуло?

– Дело у нас с тобой тама, милый, дело, – задумчиво сказал Гринчук.

И Егоров замолчал, поняв, что к разговорам его коллега сегодня не расположен. Гринчук слыл человеком надежным, но странным. Мог совершить самый неординарный поступок, на который ни один нормальный человек никогда не решился бы. Совершал глупость, но потом оказывалось, что глупость эта приводила к самым неожиданным, но очень эффективным результатам. Чаще всего, выходило все так, как и планировал Гринчук.

И спорить, кстати, в райотделе с Гринчуком уже давно перестали. Точно также как перестали играть с ним в карты и домино. В шахматы Гринчук играть отказывался напрочь, аргументируя тем, что фигуры неудобно прятать в рукав. И подтасовывать тоже неудобно.

«Жигули» проехали мимо блок-поста не останавливаясь, и Егоров считал это хорошей приметой. За последние два дня он вообще поверил в свою удачу и грядущее счастье. Приезд Гринчука был неожиданностью, но к неожиданностям на своей работе Егоров уже привык.

– Тут машину ставить, или дальше ехать? – спросил Егоров.

– Можно и тут, – разрешил Гринчук. – Тормози.

Егоров заглушил мотор.

Гринчук молча массировал шею, закрыв глаза.

– Жарко, – сказал Егоров, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

– Ага, – кивнул Гринчук.

– Так чего мы сюда прикатили?

– Встреча у меня здесь с осведомителем. Появился стукачок у меня возле Бороды, – пояснил Гринчук.

– А я тебе зачем? – спросил Егоров.

Встреча с осведомителем всегда была актом, можно сказать, интимным, присутствовать на ней постороннему всегда считалось неприличным. Опера своих стукачей не светила, а уж Гринчук особо славился своей скрытностью. Ходили слухи, что у него осведомителей чуть ли не полторы сотни, но это были только слухи. И еще свежи были воспоминания о том, как Гринчук пинками гнал молодого опера, который попытался шутки ради проследить за ним во время такой вот встречи.

Сейчас же Гринчук привез постороннего сам.

Егоров оглянулся. Никого. Место было пустынным и до этого лета, но после того, как в пруду нашли несколько трупов, люди сюда приезжать перестали. И трупы, кстати, эти попытались навесить именно на Бороду.

Кто-то умудрился заснять на видеопленку, как Борода душил очередную свою жертву. Была у него привычка собственноручно затягивать удавку на шее провинившегося подчиненного или попавшегося врага. Пленка попала в милицию, милиция пришла к Бороде...

– Ты слышал, как залетел Дятлов? – неожиданно спросил Гринчук.

– Жека?

– Жека.

– А что у него?

– В зоопарке муфлон пропал... – лениво протянул Гринчук, – ну и Жеку отправили посмотреть на предмет отказа в возбуждении. На хрена нам еще муфлона искать. Съели его уже, понятно даже и ежу.

– Однозначно, – кивнул Егоров.

– Походил Дятлов с сопровождающим по зоопарку и усмотрел, что пеликаны сидят в открытом вольере. И, что Жеку поразило, не улетают. «А чего это, – говорит Жека, – пеликаны у вас не улетают?» А потому, объясняют ему, что пеликанам крылья подрезаны. Не могут они.

– А он что, не знал? – засмеялся Егоров.

– Обычным умом, – глубокомысленно произнес Гринчук, – осознать все, чего Дятлов не знает – невозможно. Так вот, почесал Жека в репе своей и спрашивает, а у муфлона, мол, крылья были подрезаны?

Егоров от неожиданности прыснул. Гринчук кивнул.

– Да, а вот наивный служитель зоопарка не осознал, с кем имеет дело, посему честно сообщил, что крылья у муфлона подрезаны не были.

– И? – борясь со смехом спросил Егоров.

– Ну, Жека и написал им в отказе, что дело возбуждено не будет, в связи с тем, что у муфлона не были подрезаны крылья. Вчера ребята копию по кабинетам размножили. Тебе не заносили?

– Нет, – помотал головой Егоров. – Ну, Жека...

– Да, он у нас такой, лейтенант Дятлов. Он у нас еще и не такое может. Помнишь, как он протокол составлял о мужике, который на своей жене умер?

Егоров снова захохотал.

– И где твой стукач? – отсмеявшись, спросил он.

– Скоро подойдет, – пообещал Гринчук.

Машина нагрелась под солнечными лучами, Егоров открыл дверцу. Близость пруда не ощущалась совершенно.

– У тебя ствол на постоянном ношении? – спросил Гринчук, лениво прикрыв глаза.

– Да.

– А ну, дай гляну.

– Чего там смотреть...

– Ну не жмись, дай посмотрю, – Гринчук протянул руку.

Егоров достал свой пистолет и положил его на руку капитану.

Гринчук покачал оружие на ладони, словно прикидывая его вес, потом взял пистолет в руку, большим пальцем сдвинул предохранитель:

– Без патрона в стволе?

– А где ты видел идиота, который таскает на себе пистолет с патроном в стволе? – вопросом на вопрос ответил Егоров.

– Я вот, например, – сообщил Гринчук и передернул затвор. – Выходи из машины.

– Шутишь?

Пистолет грохнул над самым ухом Егорова, пуля ударилась в ствол дерева слева от машины. Егоров взвыл от неожиданности.

– Я говорю – из машины, – сказал Гринчук, и Егоров понял – капитан не шутит. – Выходи строиться. И не вздумай бежать.

Егоров облизал разом пересохшие губы. Он помнил, как Гринчук в тире демонстрировал стрельбу в движении. В опера Гринчук пришел из спецназа и навыки свои поддерживал постоянно.

– Аккуратно вылезает из машины, – сказал Гринчук, сопровождая каждое движение Егорова стволом пистолета, – и садимся на травку спиной к дереву. А мы тем временем...

Капитан извлек из кармана наручники и приказал Егорову защелкнуть их на щиколотке правой ноги.

– Смотрел французский фильм «Продажные»? – спросил Гринчук присаживаясь на водительское сидение «жигулей» напротив Егорова.

Локоть правой руки с пистолетом он положил на руль. Дуло уставилось между глаз Егорова.

– Так смотрел? – переспросил Гринчук.

– Нет, – прошептал Егоров. – Ты с ума сошел?

– Так вот в этом фильме полицейский показал своему молодому напарнику, что с браслетом на ноге далеко не убежишь. Это я так, на всякий случай.

Рядом с ними, возле самых ног Егорова, пробежала серая по причине летнего времени белка.

– Так о чем это я? – Гринчук проводил зверьку взглядом и почесал левой рукой кончик носа. – Ах, да, о стукачах. Ты в курсе, что Бороду сегодня утром отпустили?

– Отпустили? – попытался удивиться Егоров.

– На все четыре стороны. Кассетка накрылась. Единственное доказательство его вины пропало из кабинета в райотделе милиции. И у Гены Загоруйко будут очень большие проблемы. Не уберег и так далее. Правда, грустно?

Егоров напрягся.

– Да ты не принимай все это слишком близко к сердцу, Валечка, – улыбнулся одними губами Гринчук. – Тебя это не коснется никак. На тебя никто и не подумает даже.

– А что на меня думать? – выдавил Егоров, лихорадочно пытаясь понять, что именно задумал ненормальный капитан.

– Дай-ка мне свое удостоверение, – попросил Гринчук.

– Зачем?

– Я могу его и сам забрать, потом, но не люблю в карманах покойников копаться. Брезгую, – спокойно пояснил Гринчук.

Очень спокойно. Настолько спокойно, что Егоров сразу поверил ему и торопливо достал из кармана удостоверение и бросил капитану.

– Дурацкая жизнь, – покачал головой Гринчук. – Один капитан милиции целится в голову другому капитану милиции. Как в плохом иностранческом кино. А ведь мы с тобой, Валя, очень похожи. Местами. Я бы сказал, диалектически похожи. Я старше тебя почти на десять

лет, но оба мы капитаны. У меня карьера не клеится, у тебя идет успешно, но обоим нам майорами не быть. Обидно?

– Ты с ума сошел, Гринчук, – выкрикнул Егоров.

– Ни в коем случае, – досадливо поморщился Гринчук. – Совершенно нормален.

По трассе, мимо лесопосадки пронеслась машина. Капитан прислушался, поцокал языком.

– Крутая тачка пошла, крутых мужиков повезла, похоже.

* * *

Владимиру Родионычу и в голову бы не пришло называть себя или Полковника крутым мужиком, но в крутой тачке мимо двух капитанов милиции проехали именно они.

Владимир Родионыч лениво смотрел на проносящиеся мимо деревья, и чуть прищурился, когда, отразившись от поверхности небольшого пруда, солнечный луч ударил его по глазам. «Жигули» и двух человек возле них, Владимир Родионыч не заметил.

– И долго вы будете играть со мной в тайны и загадки? – спросил он у Полковника.

– Еще совсем чуть-чуть.

– Никогда не замечал за вами склонности к таинственности и загадкам.

– А что вы за мной замечали? – с улыбкой поинтересовался Полковник.

– Ну... Не всем же быть наблюдательными, как кадровые военные, – развел руками Владимир Родионыч.

– Вот это главное, что меня смущает в последнее время, – сказал Полковник. – В армии я все время ощущал себя глубоко штатским человеком. Я так и не научился толком отдавать приказы и находить удовольствие в беспрекословном подчинении. Финансовая служба – это финансовая служба. Это вам не воздушно-десантные войска. Я с трудом дождался пенсии и с удовольствием на нее вышел. Не поверите, но когда я узнал, что последние лет пять военной карьеры работал на жутко секретный проект, был сильно удивлен. И когда выяснилось, что практически все участники этого проекта либо умерли, либо пропали без вести, я даже не смог толком испугаться. К счастью, секретность проекта заключалась не в его финансировании, а в его тематике и исполнителях, о чем я имел самое отдаленное представление.

Полковник достал из кармана пиджака ручку и задумчиво покрутил ее в руках.

– Но когда я попал на гражданку и был принят в высшее общество вначале на правах обслуживающего персонала, а потом и на правах младшего партнера, тут оказалось, что с точки зрения этого самого общества, я чуть ли не военная косточка. В армии меня все, даже солдаты называли по имени-отчеству, а здесь я сразу и, похоже, навсегда стал Полковником. И теперь мне ужасно не хватает простоты и понятности армейских взаимоотношений.

– Упал – отжался... – подсказал Владимир Родионыч.

– Нет. Это – внешнее. В армии самое главное то, что в любой момент понятно кто и за что отвечает. Пусть с перегибами, пусть иногда глупо. Но – отвечает. Часовой обязан. Часовой не имеет права. Беспрекословно, точно и в срок.

– Вы предлагаете нам ввести звания?

– Вы когда-то сказали, что мы... – Полковник указал пальцем за спину, туда, где остался пикник и все гости, члены высшего общества. – Что мы – новое дворянство.

– Сказал. И продолжаю стоять на этой мысли. Мы именно дворяне. Новое, нарождающееся дворянство.

– Тогда сам бог велел ввести титулы, – улыбнулся Полковник. – Вам бы очень пошел титул герцога. И герцогская корона на двери машины.

– Звание не сделает меня лучше или хуже, – немного надменно произнес Владимир Родионыч. – И, кроме того, я бы мог рассчитывать на князя.

– Могли бы. Кстати, внешние атрибуты соблюдены. Вас уважают, к вашему слову прислушиваются, дворяне рангом поменьше никогда не посмеют противиться вашей воле... До тех пор, пока это не коснется лично их свободы и независимости.

– Да. Они свободны. Они могут...

– Они могут все, что угодно. И если кто-то из них нарушит вашу волю, то вы всегда сможете навести порядок. У вас есть армия. А дружины ваших вассалов вас поддержат. Или не поддержат, если почувствуют, что могут этого не делать. У вас есть доспехи, у вас есть копье и умение всем этим пользоваться, если продолжить историческую аналогию. Но знаете, как больно кусаются блохи?

При чем здесь это? – спросил Владимир Родионыч.

* * *

... – При чем здесь это? – испугано спросил Егоров, когда Гринчук сказал, что детей у Егорова, к счастью, нет.

– Тяжело было бы Марине их в одиночку тащить. И без денег. Ты ж ей не сказал, куда дел бабки от Бороды. Не сказал?

– Какие бабки?

– Надо полагать, большие. За маленькие капитан милиции Егоров не стал бы рисковать, похищая улики. Ты же, кроме кассеты, еще и оружие убийства унес. А это значит, что денег тебе отвалили немеряно.

– Никаких денег... – начал Егоров, но пистолет в руках Гринчука снова выстрелил, и Егоров спиной ощутил, как вздрогнуло дерево, принимая пулю. Сверху посыпалась кора. – Мне же за патроны отчитываться...

– Не-а, – покачал головой Гринчук, – не придется.

Егоров почувствовал, как капли пота потекли по вискам. Во рту пересохло.

– Гринчук, Юра...

– Что?

– Зачем тебе это?

– Что это?

– Убивать меня зачем? – выдавил из себя Егоров.

– А на хрена тебе жить? – спросил Гринчук. – Ты, по сути, отпустил убийцу и заодно искалечил судьбу Загоруйко. Ты после этого хочешь и дальше защищать закон? Ты собрался получать деньги и от министерства, и от Бороды?

– Юрка, не нужно. Я и сам не знаю, какой меня черт дернул эти деньги взять, – плачущим голосом произнес Егоров.

– Жадность тебя дернула, а не черт. Жадность и глупость, – сказал Гринчук. – Но...

– Что?

– Я обещал твоей жене, что ты вернешься домой... – задумчиво протянул Гринчук.

– Да, да, ты обещал, Юра. Ты обещал Марине, что я вернусь домой, – ухватился за соломинку Егоров. – А ты ведь слово держишь...

– Держу, – тяжело вздохнул Гринчук.

Хочешь, я с тобой поделюсь? Адвокат Бороды много бабок дал. Хватит нам обоим... – пробормотал Егоров и испуганно замер, увидев, что выражение лица Гринчука изменилось, а пистолет в его руке дернулся.

– Не нужно, – слабым голосом вскрикнул Егоров.

* * *

... – Не нужно, – согласился Полковник с Владимиром Родионычем. – Не нужно все утрировать, но ведь рыцарь в доспехах действительно совершенно незащищен перед блохами. Чтобы спастись, ему приходится стаскивать с себя доспехи и просить кого-нибудь помочь этих блох отловить. И, кстати, в этот момент рыцарь совершенно незащищен.

– И теперь вы скажете, что блохи – это те мелкие проблемы, которые вы сегодня решили высветить передо мной.

– И я скажу, что... – Полковник чуть тронул водителя за плечо. – К большому дому, пожалуйста.

– Эти проблемы в доме? – немного удивленно спросил Владимир Родионыч.

– Да, и мы уже почти приехали, – сказал Полковник.

Машина притормозила перед воротами, створки разъехались в разные стороны, и машина въехала во двор.

– В гараж заезжать не нужно, мы не надолго, – сказал Полковник. – Прогуляемся, Владимир Родионыч?

– Далеко?

– Всего лишь на шестой этаж.

– Этаж obsługi? – возле лифта спросил Владимир Родионыч.

– Общежитие. Вы своего Николая брать с собой не будете?

– В доме? Побойтесь бога, Полковник.

– Так я, почему-то, и подумал, – кивнул Полковник. – Это очень безопасное место.

* * *

... – Это очень безопасное место, – сказал Гринчук. – Недаром Борода сюда привозил свои жертвы. Ты как, Валя, полагаешь, он следующих сюда же будет привозить, или в другое место?

– Юрка, не нужно, – Егоров вытянул перед собой руки, словно собирался остановить ими пулю. – Я ошибся, я...

Пальцы рук дрожали.

– Ты хочешь вернуть пленку и удавку?

– Я не могу... Правда, не могу... Адвокат их спалил при мне.

– Вот видишь, Валя, даже адвокат Бороды тебе не верит. Грустно, – покачал головой Гринчук. – И сказать, что это ты вещдоки умыкнул, тоже нельзя, нету доказательств. Кроме этого, ты же не захочешь на себя давать показания...

– Я могу...

– Пасть закрой, – тихо сказал Гринчук.

– Хорошо, хорошо...

– Повезло тебе, Валя. Я мент. Не могу я убить человека вот просто так. Даже если это не человек, а ты, подонок.

Егоров молча слушал, стараясь, не дай бог, хоть неосторожным выдохом не перебить капитана.

– И я не верю, что ты сможешь сам уйти из органов.

– Я смогу! Я уйду!

– Это ты сейчас говоришь, Валя, а подумаешь, прикинешь и решишь, что Гринчук ничего тебе не сможет сделать. Тем более что у начальства ты на отличном счету, а капитан Гринчук – вовсе даже наоборот. Не пользуется капитан Гринчук любовью начальства.

– Я уйду, честно, уйду... и деньги...

– Деньги можешь засунуть... – посоветовал капитан Гринчук и достал из машины левой рукой свою сумку с бутылками.

Поставил ее на землю.

– Сейчас ты выпьешь за здоровье новорожденного.

– А кто?..

– Ты, Валя, ты сегодня снова родился, считай, – сказал Гринчук и вынул из сумки бутылку водки. – Лови.

Егоров подхватил бутылку и недоуменно взглянул на капитана.

– Чего тут думать? – подбодрил его Гринчук. – Открывай да пей.

Егоров отвинтил пробку, поднес горлышко к губам.

– Давай-давай, – сказал капитан, – у нас выпивки много.

* * *

...Владимир Родионыч остановился на пороге комнаты.

На кровати, на смятой постели лежала молодая девушка. Красивая девушка. Обнаженная девушка. Мертвая девушка. И простыни были не только смяты, но еще и пропитаны кровью.

На полу, в луже крови лежал нож. Изящный, с длинным изогнутым лезвием, с рукоятью, отделанной слоновой костью. Коллекционная вещь. Дорогая.

– Сюда больше никто не входил? – спросил Полковник у одного из охранников в коридоре.

– Нет. Как вы сказали.

– Вот это и есть те проблемы, о которых я вам говорил, – сказал Полковник, присаживаясь в кресло возле двери.

– Это кто? – спросил Владимир Родионыч.

– Никто, – пожал плечами Полковник, – одна из десятка местных горничных, которых либо вовсе не замечают, либо укладывают, походя, в постель, заметив, или просто от безделья. Или, походя, убивают. Не исключено, что от того же безделья. Эту девочку звали Юля, она в доме недавно и, насколько я знаю, была очень рада, что смогла устроиться сюда на работу. Двадцать лет.

Владимир Родионыч осторожно приблизился к кровати:

– У нее глаза открыты.

– Я знаю, – кивнул Полковник. – Это я приказал ничего здесь не трогать до вашего прибытия.

– До моего прибытия? – чуть удивился Владимир Родионыч. – Вы были уверены, что я обязательно с вами приеду?

– А зачем я, по-вашему, играл с утра в карманника? – в свою очередь выразил удивление Полковник. – Я должен был вас заинтриговать и привезти сюда.

Владимир Родионыч покачал головой и присел на корточки возле ножа. Протянул было к нему руку, но остановился.

– Дорогая вещица, – чуть сдавленным от неудобной позы голосом сказал Владимир Родионыч.

– Восемнадцатый век, Индия, цену я даже произносить боюсь, – подтвердил Полковник.

– И что?

– И ничего...

– Нет, вы меня сюда привезли, теперь давайте поясняйте, зачем именно, – Владимир Родионыч выпрямился, опершись ладонями о колени. – Чего вы от меня хотите?

* * *

... – Чего ты от меня хочешь? – плачущим голосом спросил Егоров, допив бутылку.

– Угостить тебя хочу, – Гринчук достал из полиэтиленовой сумки еще одну бутылку водки. – Лови.

– Зачем?

– Пей, Валя, пей, – Гринчук покрутил в руке пистолет, – не доводи до греха.

Егоров торопливо открыл бутылку и глотнул. Слишком торопился, захлебнулся и закашлялся. Водка потекла по подбородку.

– Да ты особо не спеши, Валя, время у нас еще пока есть, – успокоил его Гринчук. – И водка у нас еще есть. Сейчас ты немного догонишься до кондиции, а тут еще жара... И поесть дома ты не успел. Так что развезет тебя совершенно конкретно. И мы поедем в город, только за руль сяду я, если не возражаешь. Не возражаешь? Вот и славно.

Егоров откашлялся и снова глотнул водки. Будь что будет, решил он. Гринчука не переубедишь. Если он что-то решил... Не нужно было брать деньги, но адвокат, сука, очень уж... И кто знал, что Гринчук все вычислит... Сволочь, этот Юра... Нюх у него. И ведь не скажешь ему, что он и сам берет взятки. Не берет. Гринчук – не берет.

– В городе мы с тобой зайдем в «Красавицу», – продолжил излагать ровным голосом дальнейшую программу действий Гринчук. – Там закажем еще чуть-чуть водочки с пивком и отполируем твоё состояние. Я, кстати, тоже приму участие. Потом ты потихоньку уйдешь и двинешься, по возможности, домой. Или в райотдел. В райотдел даже смешнее получится.

Егорову начало казаться, что голос Гринчука доносится откуда-то издалека.

Ну и хрен с ним, подумал Егоров, и хрен с ним.

– Ну, а когда оклемаешься, сообщишь испуганно дежурному, что по пьяному делу посеял где-то свое удостоверение. Можешь даже сказать, что это я его у тебя забрал, все равно не поверят. Пистолет, кстати, я тебе не верну, отдам дежурному, скажем, что я взял его у тебя у пьяного, чтобы ты его не посеял. Патроны мы с тобой расстреляли вот здесь, возле пруда. Выпили и захотели пострелять. Понял? – спросил Гринчук.

– Понял, – кивнул Егоров.

– Ты это хорошо пойми, Валя. Очень хорошо. Тебя из органов попрут, а мне влепят очередной выговор. У меня до пенсии осталось несколько месяцев, мараются не станут двумя увольнениями сразу, ибо единичный случай – это только единичный случай, а так тенденция получается. А вышестоящее начальство тенденций не любит, – Гринчук покачал головой, словно показывая, как именно вышестоящее начальство не любит тенденций. – Допил?

– Д-да, – кивнул Егоров.

– Вот и славно, садись в машину, поехали. Третью бутылку я лучше дома спрячу, она мне еще пригодится горечь от выговора заливать.

Егоров оттолкнулся от дерева и встал. Потом двинулся к машине, сильно прихрамывая из-за наручников на ноге.

Гринчук покрутил в руках его удостоверение, вздохнул. Все у него внутри протестовало против такого обращения с документом, но решение уже было принято. Капитан достал из кармана специально купленную по такому случаю зажигалку и поднес огонек к уголку удостоверения.

Не сгорит, картон не сгорит.

Гринчук отодрал с удостоверения фотографию, внутренние листки, скомкал и поджег.

– Сука ты, Гринчук, – сказал Егоров, усевшись на правое переднее сидение.

– Еще какая, – тяжело вздохнул Гринчук. – Убивать только вот никак не научусь.

Егоров икнул и замолчал.

* * *

... – Хорошо, – сказал Владимир Родионыч, – я понимаю, что милицию сюда вызывать нельзя, нечего им копать в наших делах. Но и оставлять это безнаказанным, тоже невозможно.

Они с Полковником расположились в кабинете администратора дома, предоставив тому топтаться в коридоре перед собственным офисом в ожидании распоряжений.

– Невозможно, – повторил Владимир Родионыч.

– И кто, по-вашему, должен быть наказан? – осведомился Полковник.

– Естественно, виноватый.

– А как мы с вами найдем виноватого? – поинтересовался Полковник.

– Ну... – Владимир Родионыч замялся. – Для начала должен получить наказание администратор. Он здесь, помимо всего прочего, чтобы обеспечить безопасность...

– Жильцов, – напомнил Полковник. – Жильцов, а не обслуживающего персонала. Мы как-то забыли, что персонал тоже нужно иногда охранять. И это мало поможет найти убийцу.

– Любовник ее, – брезгливо поморщился Владимир Родионыч. – Или...

Он внезапно замолчал, словно озаренный догадкой.

– Вы хотите сказать, что ее мог убить кто-то из...

– Кто-то из благородного нарождающегося нового дворянства, – закончил за собеседника фразу Полковник. – И тогда мы с вами окажемся в смешной ситуации. Нам придется наказывать того, чью независимость вы так декларируете. И все должны будут согласиться с вашим мнением. Вам придется убеждать Совет, а они потребуют очень веских доказательств.

Владимир Родионыч зябко потер руки. Он великолепно понимал, что Совет не примет во внимание только подозрение, что Совет потребует доказательств, прежде чем примет решение о наказании одного из избранных. Даже, если это наказание за убийство. Но даже если он, Владимир Родионыч, найдет доказательства, то где гарантия, что ему поверят?

Избранные, новые дворяне не слишком любят друг друга. И его, несмотря на весь авторитет, могут не поддержать, если доказательства не будут совершенно бесспорными. А собрать их...

– Я прикажу провести расследование, – сказал Владимир Родионыч.

– Кому?

– Моим людям.

– Вы им верите?

– Да.

– А остальные им верят? – поинтересовался Полковник.

– Что значит?...

А ведь Полковник прав, понял Владимир Родионыч. Отчего это другие должны верить его людям? Более того, остальные члены Совета могут счесть, что таким образом, беря в свои руки отправление правосудия, он хочет подняться над остальными. А это может быть для него чревато многими неприятностями.

– А поручить это кому-нибудь другому вы тоже не сможете, – словно прочитав мысли собеседника, сказал Полковник. – Во-первых, преступником может оказаться именно он, а, во-вторых, кто вам даст гарантию, что его люди укажут на виновного, а не ошибутся, вольно или невольно?

Владимир Родионыч встал с кресла и подошел к окну. Полковник снова прав. Они надежно защитили себя от угрозы снаружи. Они вышли из-под действия законов. Но они остались людьми. И в любой момент...

Кровать, скомканная постель, пропитанная кровью и открытые глаза двадцатилетней девчонки. И нож...

– Стоп, – Владимир Родионыч обернулся к Полковнику, – нож. Это ведь орудие убийства. Нужно просто выяснить, чей нож и все станет на свои места. И мы...

– Приблизительно также рассуждал сегодня телохранитель Маргариты. Ему было совершенно понятно, что, узнав, где кошелек, он поймет, кто его украл, – спокойно сказал Полковник.

– Тогда мне только остается спросить у вас, что вы предлагаете, как панацею от... – Владимир Родионыч попытался подыскать определение, но ничего оригинального в голову не пришло, – ...от блох.

– Если вы не возражаете, то я попытаюсь сформулировать требования, а потом перейду, собственно, к моему предложению.

– Я не возражаю, – кивнул Владимир Родионыч.

– Мы с вами пришли к тому, – начал Полковник, – что все наше сообщество... наши... э... новые дворяне не подпадают под действие общепринятых законов. Мы выше этой суеты. Мы – новые. Именно мы – «новые русские», а не вся эта шелупонь на джипах. Они думают, что правят жизнью, но на самом деле, это мы им позволяем так думать. В любой момент мы можем приказать, и все закончится. Никто снизу не посмеет нас тронуть, так как надеется, что сможет заслужить путевку в наше общество. Вот как, например, я.

Владимир Родионыч слушал, не перебивая.

– Мы даже имеем свои собственные службы безопасности, которые, в принципе, должны нас оберегать не только и не столько от попыток этих снизу мешать нам, но и друг от друга. Новые русские верят друг другу ничуть не больше, чем государству. А посему никто из нас не застрахован от неожиданности, подобной той, которую я устроил двум телохранителям. Более того, те двое ничем не рискуют, устроив потасовку, а мы имеем слишком большую силу, чтобы позволить друг другу ее применять. Таким образом, столкнувшись с неожиданностью, вот с таким вот убийством, мы понимаем, что никто из нас не может вести расследование, не рискуя быть обвиненным в пристрастии. Пригласить сюда кого-нибудь из силовых структур, государственных силовых структур, мы также не захотим. Это было бы равносильно признанию нашей слабости и зависимости от продажных государственных чиновников. Это плохо отразится и на нашем самомнении и на уважении к нам этих самых чиновников. Вы согласны?

Владимир Родионыч задумчиво кивнул.

– Есть третий вариант, к нему пришел в свое время Артур Конан Дойль, придумав частного детектива для расследования преступлений в высшем свете.

– Вы предлагаете нанять частного детектива? – в голосе Владимира Родионыча прозвучало столько сарказма, что Полковник поспешил покачать головой.

– Конечно, нет. Во-первых, мы знаем цену частным детективам, во-вторых, он не будет иметь ни среди нас, ни среди всех остальных того авторитета, который может ему понадобиться для расследования. И не стоит, заодно, забывать, что и Шерлок Холмс был вынужден обращаться к полиции, когда было нужно преступника наказать. Вот тут мы приходим к тому, что нам нужен человек официальный, не зависимый ни от кого из нас, но при этом с гарантией неподкупный и вхожий в наше общество.

– Ага, вы еще предложите, чтобы кто-нибудь из нас взял на себя эти функции, – улыбнулся Владимир Родионыч.

– Вариант шерифа я уже отбросил, – сказал Полковник. – Любому из наших, помимо всего, что я здесь говорил, быстро надоеет состояние постоянной готовности. А ведь милиция, говоря о том, что профилактика – самое надежное средство против преступности, не очень сильно заблуждаются. И последнее. Если у нас будет кто-то, кто сможет вычислить преступ-

ника, то нужно быть готовым к тому, что преступник просто откажется подвергаться этому наказанию. И это приводит нас к необходимости сделать возмездие неотвратимым.

– Создать еще одну группу? – осведомился Владимир Родионыч. – Подразделение ликвидаторов, подчиняющихся лично вам?

– По вашему тону понятно, как будет воспринято подобное предложение советом, – грустно улыбнулся Полковник, – но это я предусмотрел. Нам нужен некто, совмещающий в себе все эти качества, и при этом способный не только заставить виновного понести наказание, но и постоять за себя, в случае чего.

– Мне кажется, – сказал Владимир Родионыч, – что уже даже одной фразой можете сформулировать свое предложение. Нет?

– Да.

– Тогда предлагайте.

Полковник одернул рукава пиджака. Щелкнул пальцами правой руки.

– Не томите, – сказал Владимир Родионыч.

– Нам нужен участковый инспектор, – сказал Полковник.

– Да, – засмеялся Владимир Родионыч, – опорный пункт и добровольная народная дружина.

– Я...

– Я понял, что именно вы имели ввиду. И я даже с вами в чем-то согласен, – Владимир Родионыч потер ладони. – Согласен, но...

Полковник ждал ответа с совершенно неподвижным лицом.

– Но. Давайте разделим ваше предложение на две части. Часть первая – собственно участковый, который будет жить среди нас, наблюдать за нами, вести профилактическую работу и искать преступника, буде такой появится. Это даже звучит смешно, и я, пожалуй, не готов излагать подобное на совете. А вот второе, некто, способный доставить преступника перед ясны очи совета, несмотря на нежелание – это было бы очень интересно. Очень. С одним небольшим дополнением. Если вы сможете гарантировать, что эти самые исполнители...

– Я вас понял, Владимир Родионыч.

– Не перебивайте, пожалуйста, – голос Владимира Родионыча прозвучал жестко и властно.

– Извините.

– И вы должны гарантировать, что исполнители будут полностью подконтрольны совету. Вы это сможете гарантировать?

Полковник ответил, не задумываясь:

– Да.

– Вот так вот, с ходу? Нет ни малейшего сомнения?

– Я все уже продумал. И более того, я бы не говорил о группе исполнителей. Я говорю об одном человеке, – Полковник извлек из внутреннего кармана пиджака несколько сложенных вдвое листов бумаги и протянул их Владимиру Родионычу. – Ознакомьтесь. Здесь очень коротко излагается характеристика моего кандидата.

Владимир Родионыч взял бумаги, положил их на стол и достал из кармана очки:

– У меня странное чувство, будто вы довольны тем, что ваше предложение отвергнуто на пятьдесят процентов.

– Оно принято на пятьдесят процентов, – поправил Полковник собеседника. – А это очень высокий показатель, тем более что у меня и не было предложений по первой части проекта. Так уж вышло, что среди моих знакомых не оказалось подходящего мента.

Владимир Родионыч развернул было листки, но остановился и посмотрел на Полковника:

– Все это очень хорошо, но что мы, действительно будем делать с убийством? Девушка лежит, а...

– Девушку уже вывезли, комнату прибирают, – бесцветным тоном сообщил Полковник.
– А как же убийца?

– В данном конкретном случае проблема уже решена. Один молодой человек из обслуживающего персонала не так давно начал уделять внимание покойной Юле. Она знаки внимания и подарки принимала, но не более того. Бедная девочка решила, как это принято сейчас у молодежи говорить, продинамить поклонника. Тот стал настаивать, девушка возражала. Молодой человек принес нож из коллекции Антона Сергеевича, и девушку убил. А поскольку Антон Сергеевич у нас пользуется славой ловеласа и человека вспыльчивого, то убийца планировал направить подозрения на него.

– И...

– Нож в настоящий момент, я полагаю, возвращен в коллекцию, о происшедшем знает соседка покойной, два охранника, администратор и мы с вами.

– Вы все раскрыли и разыграли для меня целый спектакль? И не понадобился мент, хватил вас одного...

– И видеокамер в коридорах. Молодой человек был уборщиком и совершенно не подумал о возможностях охранной техники, – спокойно сказал Полковник. – В этом случае оказалось достаточно всего лишь просмотреть записи. Но все могло выйти совсем по-другому.

– Например, если бы идея взять нож у Антона Сергеевича принадлежала не убийце, а кому-нибудь, кто хотел бы доставить Антону Сергеевичу немного проблем.

Владимир Родионыч несколько секунд рассматривал Полковника сквозь стекла очков, потом занялся листками бумаги.

Полковник отошел к окну, чтобы не мешать. Дальше все понятно. Дальше Владимир Родионыч познакомится с личным делом кандидата, не поверит, потребует проверки. И не просто экзамена, а испытания по всем параметрам, максимально приближенного к реальности.

К такому повороту событий Полковник был готов. Нужно будет только подумать о возможных последствиях. Подстраховаться. Здесь может пригодиться Андрей Петрович со своими связями среди урок.

Работать, как, впрочем, и всегда, придется их руками.

Одно плохо – это убийство произошло слишком рано. Он не успел подобрать кандидатуру на должность мента.

Ну, это со временем. Главное, что Владимир Родионыч сделал первый шаг. Он человек разумный и быстро сообразит, что второе без первого не работает. Чтобы преступника схватить, его еще нужно найти.

– Это слишком похоже на фантастику, – сказал Владимир Родионыч, откладывая в сторону записи.

– Похоже, – кивнул Полковник.

– И тем не менее, вы утверждаете, что...

– Да.

– И вы готовы подвергнуть его испытаниям?

– Да.

– И он не откажется от новой работы?

– У меня есть возможность его уговорить, – Полковник улыбнулся, – в докладе об этом говорится.

– Да-да, – кивнул Владимир Родионыч, – конечно. Но испытание...

– Я думаю, что через два дня мы сможем начать.

– Хорошо, – снова кивнул Владимир Родионыч, – и еще.

– Да?

– Если вы сможете убедить меня и совет в пригодности этого кандидата, – Владимир Родионыч разгладил листы бумаги ребром ладони, – то я поддерживаю ваше предложение о менте. О менте для новых русских. Вы сможете найти подходящего?

* * *

...Так даже лучше, подумал Гринчук, когда пьяный Егоров ввязался в драку, а бармен метнулся к телефону, чтобы вызвать милицию. Так все будет еще веселее.

Гринчук вышел на улицу, огляделся по сторонам.

Жарко. Пыльно. Душно.

Хотелось плюнуть на все и уйти. Он боролся с этой мыслью уже давно, решив все сделать по закону и дождаться пенсии по выслуге лет. Теперь уже скоро. И он сможет просто ходить по улицам, просто смотреть на женщин, просто отдыхать, не ожидая вызова и не прикидывая, а не соответствует ли внешность этого типа описанию особо опасного преступника.

И не будут уже к нему обращаться знакомые и незнакомые люди с просьбой помочь, выручить или защитить.

Вдалеке послышался звук милицейской сирены.

Быстро приехали, отметил Гринчук. Молодцы.

А вот машину Егорова стоит отогнать к его дому. Здесь могут ее изуродовать.

Капитан сел за руль.

Что он будет делать без милицейского удостоверения, Гринчук себе представить не мог. И не хотел думать об этом.

Твою мать, выругался Гринчук, трогая машину с места. Об этом можно подумать потом, на досуге после пенсии. Потом. А пока...

К дому Егорова можно было добраться или в объезд, или через тихий переулок. Через переулок было ближе, но движение по нему было односторонним.

Гринчук задумался, потом медленно свернул под «кирпич», как регулярно это делали местные водители.

Раздался свисток и откуда-то из подворотни вынырнул молодой лейтенантик с жезлом в руке.

– Твою мать, – еще раз пробормотал Гринчук.

– Ваши документы, – представившись, потребовал лейтенантик.

И сам лейтенант был вызывающе молоденький, и форма сидела на нем как седло на теленке, и голос был дрожащий... От азарта или от волнения, Гринчук задумываться не стал. Для прекращения недоразумения достаточно было предъявить свое удостоверение.

Оно у капитана лежало в кармане рубахи, вместе с деньгами. Зашелестели купюры и лейтенантик понял жест Гринчука по-своему.

Оглядевшись по сторонам, он поправил фуражку, наклонился к окошку и, чуть заикаясь, сказал:

– Ладно, давай быстро, пока никто не видит.

Гринчук закрыл глаза и беззвучно пошевелил губами.

– Давай, – напомнил лейтенант.

– Сейчас, – сказал Гринчук, выходя из машины и доставая удостоверение. – Зайдем на секунду в подъезд, дело есть.

Лейтенант после первого удара еле слышно взвизгнул и отлетел к стене, исписанной и разрисованной вдоль и поперек. Второй удар прервал лейтенанту дыхание, и он съехал спиной по стене, оставляя широкий след на местном граффити.

Лейтенантик хрипел, но испуганного взгляда с капитана не сводил.

– Слушай внимательно, сучок канареечный, – Гринчук за портупею поставил лейтенанта на ноги, – ты знаешь, почему нас мусорами называют?

Лейтенант помотал головой.

– Вот и я не знаю, – сказал Гринчук, – обидно? Тебя хоть за дело, а меня? За компанию?

Гринчук ударил снова, коленом.

Лейтенант согнулся и застонал.

– Жаль, совсем отбить не могу, – сказал Гринчук, – чтобы ты, сука не размножался. Одел ментовскую форму – будь ментом. Ментом, а не мусором. Понял?

Лейтенант промолчал. Со стороны могло показаться, что офицер милиции что-то уронил и теперь стоит на коленях, внимательно высматривая потерю на заплеванном полу подъезда.

Гринчук постоял на крыльце, борясь с подступившей к горлу тошнотой.

Ладно, нужно ехать. Отогнать машину к дому Егорова и предупредить его жену, чтобы не волновалась.

Глава 2.

Запомни, три самых важных для тебя вещи – выполнение задания, твоя безопасность, безопасность партнеров. Все остальное – потом. И все остальные – потом. Если для первых трех пунктов понадобится пожертвовать чем угодно или кем угодно – это оправдано.

Если немедленное выполнение задания невозможно – жди. Ожидание – твое оружие. Ожидание должно быть подкреплено терпением. Ожидание – это не бездействие, это подготовка, это анализ, это расчет.

Если выполнение задания невозможно – отступи. Это не поражение, это завершение разведки боем. Подготовь новую попытку. Если понадобится – не одну. Отступление предпочтительнее гибели, но только в том случае, если не было задания выполнить приказ любой ценой. Или если тебе приказано погибнуть.

Если ты потерял связь, не получаешь приказов и заданий – жди. Год, два, всю жизнь – жди. И готовься. Заводи связи, знакомства, накапливай средства и обеспечивай безопасность.

В отсутствии других приказов – главная твоя задача – выжить. Любой ценой. Выжить. Для тебя нет более важной задачи. Чем дольше к тебе не обращаются, тем более важное задание тебя ждет. Жди и готовься к его выполнению.

Небольшая площадка перед клубом была плотно заставлена машинами. Как практически каждый вечер со дня открытия клуба. Еще не стемнело, но свободных мест на охраняемой площадке уже не было. Поэтому у желающих посетить новую достопримечательность выбор был небольшой – либо оставить свой автомобиль на обочине дороги возле заросшего деревьями оврага, либо приезжать в клуб на такси.

Второй вариант был предпочтительней. Во всяком случае, выглядел таким. Овраг и свалка за ним особого доверия у владельцев автотранспорта не вызывали.

Крысы. Там жили Крысы, и никто не собирался рисковать. Городские власти уже неоднократно пытались вычистить район от бродяг, но все благие намерения разбивались о невероятную живучесть и изворотливость Норы.

Снесенные дома из картона и жести снова вырастали как из-под земли через пару дней после санации. Сами выловленные Крысы-бродяги неизбежно возвращались к прежним местам обитания. Крысы промышляли по всей территории города, но жили только в Норе.

И, кстати, те из владельцев иномарок, которые боялись, что их машины будут изуродованы или украдены Крысами, глубоко ошибались. На своей территории, а клуб, что бы там не думали его владельцы, был и оставался территорией Крыс, на своей территории Крысы не работали.

Традиция уходила своими корнями еще в первые дни существования Норы, и никто ее не собирался нарушать.

А смысл своей территории заключался в том, что никому из остальных бродяг города не разрешалось работать возле Норы. Не поощрялось даже мелкое воровство у своих – обычных людей, проживавших в радиусе километра от оврага и свалки.

Клуб Крысам не мешал. Пока. Охрану интересовал порядок перед входом и, в меньшей степени, безопасность автотранспорта клиентов вне охраняемой площадки.

Наиболее чисто и опрятно выглядевшие бродяги обоих полов регулярно приторговывали возле стоянки цветами, клиенты клуба эти цветы иногда покупали, а то, что букеты были

собраны с могил Ночлежки, недалеко расположенного кладбища, не волновало ни продавцов, ни покупателей.

Вторых спасало незнание.

Сегодня была очередь торговать Ирины, шестидесятилетней старухи, обитавшей в Норе со дня ее создания, и иринину сожителю, деду Тотошке. С утра на Ночлежке были шикарные похороны кого-то из блатных, так что букеты у Ирины и Тотошки выглядели необычно благородно.

Сожители расположились, как обычно, напротив выхода с автостоянки так, чтобы цветы сразу же бросались в глаза, но при этом ни в коем случае, не мешать приехавшим свободно передвигаться. Этого требовала охрана стоянки.

– Вот, – задушевным тоном говорила Ирина очередной паре, – эти розы очень подойдут к платью вашей дамы. Свежайшие, только сегодня утром срезала.

– Да, – глубокомысленно подтверждал Тотошка, – этим летом розы уродились особенно хорошо. Вот такой же примерно букет я подарил Ирочке (растроганный взгляд в сторону сожительницы), когда делал ей предложение.

– Считай, уже сорок лет прошло, а я все помню... – Ирина вытирала краем платка глаза, – точно вот такие вот были розы.

То, что сорок лет назад Ирина жила где-то на Западной Украине, а дед промышлял чем-то на Дальнем Востоке, не смущало ни одного из сожителей. Главное было продать цветы. А на лирику пары клевали неплохо.

Солнце уже почти село, жара спала, только от перегретого за день асфальта тянуло уютным вечерним жаром.

– Вроде все, – сказал задумчиво Тотошка, – больше сегодня никого не будет.

– Еще два букета осталось, – грустно сказала Ирина, – до завтра завянут.

– Ничо, и так вон сегодня как торгали. Как никогда.

– Может, подойдем к станции метро? Может, кто все-таки купит букеты?

– Да не жадничай ты...

– Не жадничай... Завтра, думаешь, опять сможем букетов набрать на Ночлежке? Фиг тебе. Такие похороны каждый день не бывают.

– Это точно, – не смог не согласиться Тотошка, – дай Бог ему здоровья.

– Кому? Покойнику?

– Да хоть убийце!

– Типун тебе, дурак старый.

– Так что, пойдем к метро?

– Ну, пойдем.

Ирина и Тотошка, не торопясь, собрали букеты и ведро с водой, вежливо и максимально доброжелательно улыбнулись охраннику стоянки, раскланялись с вынырнувшим из-за ближайшей пятиэтажки милицейским патрулем и потихоньку пошли по улице. Особенно по сторонам они не смотрели, ничего нового практически никогда не происходило.

Справа, со стороны стройки, вынырнул грузовик с пустыми бочками в кузове. Он, надсадно ревя и фыркая, обогнул группку киосков на углу, и, оставляя за собой клубы черного дыма, направился к мосту через овраг.

Ирина проводила грузовик неодобрительным взглядом, и в поле ее зрения попал парень, который как раз двигался через мост, к клубу.

Аккуратный такой, подумала Ирина, на свидание идет. Не вовремя ушли. Точно, купил бы у стариков цветы. Ирина замедлила шаг.

Парень почти уже прошел мост, но тут внезапно остановился. Слишком резко. Ирина дернула Тотошку за руку:

– Глянь.

– Чего?

Ирина и сама толком не поняла, чего ее внимание привлек парень на мосту. За годы бродяжничества у нее выработался инстинкт. Ирина великолепно чувствовала неожиданные изменения в поведении людей.

Парень остановился.

– Чо, букет ему хочешь всунуть? – поинтересовался лениво Тотошка.

– Не, чего-то он остановился там?

– А тебе что? В животе у него забурчало – стоит слушает.

– Сам ты забурчал, – Ирина покосилась на сожителя.

– Ну, так идем к метро или не идем? – спросил Тотошка, – или пойдем к твоему красавчику.

– Пошли к метро, – решила наконец Ирина.

И тем самым спасла жизнь и себе, и Тотошке. На часах одного из молодых ребят, сидевших в скверике за киосками, до половины десятого оставалась всего минута. За это время старики как раз успели бы дойти до красного «форда» на обочине, в пяти метрах от ограждения стоянки клуба.

Ирина верно поняла состояние парня на мосту. Парень действительно шел к клубу, и действительно остановился слишком резко.

Первое, что привлекло внимание парня, был тот самый красный «форд-скорпио». В нем все было нормально. Дверцы закрыты, стекла подняты. Насторожило парня только одно – слишком небрежно был поставлен «форд».

Новенький сверкающий автомобиль стоял двумя колесами на мостовой, а двумя на бордюре. Хотя совершенно спокойно его можно было поставить через дорогу, не рискуя покрышками и бампером.

Парень окинул взглядом окрестности и перехватил взгляды ребят за киосками. Оба внимательно смотрели на тот же «форд». Хотят украсть? Но потом один из ребят, тот что сидел справа, несколько раз посмотрел на наручные часы, что-то быстро сказал напарнику, и тот полез рукой в спортивную сумку, стоявшую возле его ноги.

Грузовик с бочками как раз подъехал к мосту. Парень, не отводя взгляда от пары ребят, шагнул назад, потом повернулся и сделал несколько шагов по мосту, к свалке.

Секундная стрелка на часах коснулась двенадцати.

– Давай, – сказал наблюдавший за часами, которого звали Витек.

Второй, Серега, осторожно перевел рычажок на пульте управления в сумке. Пульт был от детского игрушечного вездехода. Серега включил питание, а потом осторожно коснулся кнопки движения вперед. Как его проинструктировали.

Ребята сделали все, как их проинструктировали. Расположились, где им было приказано, дождались назначенного времени и в правильном порядке нажали кнопки.

Витек и Серега были единственными на площади, кто знал, что в «форде» находится взрывчатка. Но даже они не знали, сколько именно взрывчатки находится в багажнике. Грамм сто, не больше, сказал тот, кто дал им пульт управления от старого вездехода и несколько мятых купюр.

Серега и Витек предвкушали, как после нажатия кнопки рванет заряд, вырвет крышку багажника, и полетят осколки стекла из окон домов. После этого начнется паника, засуетятся людишки – в общем, будет, что рассказать пацанам.

В общем, все так и вышло. В общем. Запал сработал безупречно. Только взрывчатки было далеко не сто грамм. И скамеечка возле ларьков превратилась не в первый ряд на забавном шоу, а в место казни, одно из многих на площади.

Взрыв разорвал красный «форд» в клочья. Куски металла, разлетаясь в сторону, прошивали все, попавшееся на пути, словно картечь. Деревья, пластик, металл или человеческая плоть не могли остановить раскаленные осколки.

Сергея и Витек были в числе первых, кто погиб при взрыве. Когда взрывная волна сорвала их с лавочки и, обрывая клочья одежды и плоти, понесла прочь, они уже были мертвы. И это было единственным, в чем им сегодня повезло.

Из восьми торговцев, находившихся в киосках, семь погибли в первую же минуту. Восьмой, вернее, восьмая, получив множественные раны и порезы, еще несколько минут пыталась выбраться из опрокинутого киоска.

Взрывная волна первого взрыва вымела площадь, выбила все окна всех домов в радиусе нескольких сот метров, превратила автостоянку возле клуба в мешанину рваного и смятого металла, а потом передала эстафету огню.

Огненный шар, вспухший всего в нескольких метрах от автостоянки, в доли секунды сжег краску и лак на машинах, а потом жар добрался до их бензобаков.

То, что еще несколько секунд назад было предметом гордости своих владельцев, теперь превратились в огромные петарды, взрывающиеся одна за другой. Огненный вал из взрывающихся машин стремительно преодолел расстояние до клуба, разбрасывая в стороны искры, брызги горящего бензина и ошметки автомобилей.

Ракетой вылетел из ада потерявший всякие очертания комок искореженного металла и врезался в стену клуба.

Парень на мосту успел отреагировать на взрыв. Он, не успевая добежать до края, прыгнул в сторону, через перила моста, целясь на верхушки деревьев, росших в овраге. Руки были вытянуты вперед, тело сгруппировалось, и у парня были очень неплохие шансы выйти из переделки с минимальными потерями.

Однако ему не повезло. Взрывная волна ударила по грузовику, его занесло в сторону, ободранные деревянные борта кузова не выдержали. Пустые бочки, словно банки из-под пива, были сметены, и одна из них настигла парня уже в полете. Удар пришелся в бок, бочка и тело человека на мгновение будто замерли в воздухе, а потом рухнули в густые заросли на дне оврага.

Ирина и Тотошка как раз успели отойти за дом, когда рвануло первый раз. Оглушенные они замерли. Вокруг них рушились на землю осколки стекол, листы железа и обломки столбов и деревьев. Сорванная с крыши тарелка спутниковой антенны пролетела несколько десятков метров и вломила в окно жилого дома напротив.

Инстинктивно Тотошка и Ирина прижались друг к другу и стояли, закрыв глаза, пока не стихли взрывы машин возле клуба.

– Матерь Божья! – сказала Ирина, когда внезапно наступила тишина.

– Что? – громко переспросил Тотошка.

– Что же это?

– Хорошо рвануло! – со знанием дела сказал Тотошка, – килограмм сто, не меньше.

– Чего?

– Чего-чего? – Тотошка отстранил Ирину в сторону, – Динамита.

Вокруг них что-то происходило, кто-то плакал. Кто-то кричал от боли или от испуга, но стариков это не волновало. Они были целы, а до остальных им было столько же дела, сколько и остальным до них. То есть – совершенно никакого.

Ирина повертела в руках злосчастный букет.

– Брось, – решительно сказал Тотошка, – пойдем лучше глянем.

– Брось... Умный очень, – пробурчала Ирина.

– Я говорю – брось, дура старая, – Тотошка отобрал у сожительницы букет и бросил его на землю. – Если это и вправду динамит, то на Ночлежке завтра – послезавтра цветов будет до фига и больше. Пойдем глянем.

И вправду, подумала Ирина, теперь без похорон не обойдется. Сунувшись было к клубу, они обнаружили сбегающих людей и горящие обломки. Фасад клуба зиял чернотой выбитых окон, а на козырьке над входом, как раз на буквах названия клуба, нелепым украшением висел изуродованный корпус автомобиля.

Как по команде, сожители обернулись к киоскам. Перевернутые киоски – это неплохая пожизна, но там уже суетились какие-то люди, то ли спасающие продавцов, то ли подбирающие рассыпанное добро.

– Не успели, – грустно сказала Ирина.

– Не повезло, – согласился Тотошка и выругался.

– Что там? – не поняла Ирина.

– Глянь! – Тотошка ткнул пальцем в сторону моста.

Застигнутый взрывом грузовик стоял поперек моста, от попавших в кузов горящих обломков доски тоже начинали гореть.

– Бежать надо, – переполошилась Ирина.

И старики побежали, так быстро, будто от этого зависела их жизнь. В какой-то степени это было правдой.

Все обитатели Норы, какими бы бедными ни были, имели свои личные запасы и свои личные сокровищницы. Нужно было куда-то прятать зимнюю одежду, запасы еды, припасенные совсем уж на черный день деньги.

Ирина и Тотошка держали свои сокровища в одной из опор моста. Между двумя массивными балками, укрепленными кирпичами, как раз нашлось место для пожитков стариков. И загоревшийся мост мог погубить все, накопленное ими за годы бродяжничества.

Наплевать на десятки погибших и сотни искалеченных. И это проистекало не из жестокости. Просто такое отношение ко всему окружающему помогало выжить раньше, оно же должно было помогать и впредь.

Пробежав мимо грузовика, старики, поддерживая друг друга и хватаясь за кусты, спустились на дно оврага. Там уже было почти совсем темно.

– Ты фонарь взял? – спросила Ирина.

– Взял, взял, – старик зажег маленький фонарик, с которым почти никогда не расставался.

– Давай быстрее, вон уже сирены слышно.

– Чего заторопилась? Сама вот и спеша. Пожарники к мосту сразу не поедут, двинутся к клубу.

– К клубу! – Ирина толкнула Тотошку в бок, отчего фонарик вылетел у того из руки, и, описав слабым лучом дугу в воздухе, упал в кусты.

– Дура, – взорвался Тотошка, – теперь сама лезь в колючки, корова старая.

– Сам ты козел! Держать надо крепче!

– Вот сейчас как дам в ухо!

– Попробуй только! Забыл как в прошлом годе...

Тотошка этого не забыл, именно это и удержало его от необдуманных силовых действий против сожительницы. Ирина была скоро на расправу и тяжела на руку. Во всяком случае, по отношению к Тотошке.

– Дура ненормальная! – пробормотал Тотошка и полез к фонарику.

– Дура, дура... – для порядка проворчала Ирина и полезла следом. Вина действительно была ее, и мириться в любом случае было нужно.

– Закатился как, – сказал Тотошка и осекся.

– Что там у тебя?

- Глянь, – Тотошка чуть отошел в сторону, захрустев ветками.
- Господи!

Вот ведь чувствовала Ирина, что доведется с тем парнем на мосту еще встретиться. Парень лежал на спине, фонарик застрял в какой-то развилке и светил лежащему прямо в лицо.

- Убился? – шепотом спросила Ирина.
- С такой высоты грохнулся, – неопределенно сказал Тотошка.
- Убился, – немного увереннее сказала Ирина.
- Вообще-то, на ветки упал, может, и не очень стукнулся.
- Так, живой или нет?
- А тебе-то что?
- А если живой?
- Пойди и посмотри, – решительно сказала Тотошка, – нужно забирать вещи и уходить.
- А если он мертвый, так ему деньги не нужны? – будто бы сама у себя спросила Ирина.
- Какие деньги?
- Может, у него деньги с собой есть?
- Может, – согласился Тотошка.
- Так что ты стоишь, козел старый? – не выдержала Ирина, – пойди и посмотри. И давай скорее.

Сирены пожарных машин звучали уже почти над самой головой.

Тотошка осторожно приблизился к лежащему, неловко присев на корточки, обыскал одной рукой карманы рубашки и брюк.

– Есть! – радостно выдохнула Ирина, когда Тотошка извлек из кармана бумажник, – что там, дай посмотрю!

Тотошка отмахнулся от сожительницы и открыл бумажник.

- Ну? – Ирина нетерпеливо стукнула старика в спину.
- Глянь! – Тотошка обернулся к Ирине, и та радостно не то выдохнула, не то взвизгнула. Денег было даже больше, чем они могли надеяться. Изрядная стопка отечественных и больше тысячи американских. Купюрами по сто и пятьдесят.

– Спрятать надо, – сказала Ирина, не отводя взгляда от денег. – Тут только на одни наши можно года два прожить. Слышь, дед, чего замер?

- Живой он.
- Кто?
- Да покойник этот. Живой. Дышит вон.
- Живой? – в голосе Ирины прозвучали обида и разочарование. Так было нечестно. Только привалило счастье, как...
- Что делать, дед?
- Что делать... Не знаю. Может, бежать? Забрать деньги и...

– За такие деньги найдут, – уверенно сказала Ирина. Для нее вообще та сумма, которую сейчас держал в своих руках сожитель, была суммой астрономической, а, значит, за такие деньги точно можно получить неприятности.

- Так что – бросать?
- Я тебе брошу!
- Так что же делать?

Парень тихо застонал, не открывая глаз.

- А может, все-таки не станут искать? – со слабой надеждой спросил Тотошка.
- Станут, не станут...

В этот самый момент напряженных раздумий огонь из кузова грузовика добрался до бензобака. Над самыми головами бродяг оглушительно рвануло, в воздух взлетели какие-то обломки. Несколько досок настила со скрипом просело.

– Сейчас мост свалится! Бежать надо! – всполошилась Ирина.
– Так его привалит! – Тотошка ткнул пальцем в парня.
– Привалит.
– Нельзя бросать.
– Нельзя.
– Да что ты заладила за мной повторять, будто эхо испорченное, бери осторожно за другую руку и потащили.

– А вещи бросим?
– Ничего с ними не случится. Потащили.

Старики тянули, не останавливаясь, пока мост не скрылся за поворотом. Оттуда слышались неясные крики. К общему хору пожарных сирен добавились вначале милицейские, а потом и сирены «скорой помощи». Много сирен «скорой помощи».

– Больше не могу, – сказала Ирина.
– Передохнем, – согласился Тотошка. Он тоже запыхался, у него болели руки, и начинало ломить спину.

– Ты не видела, мост упал?
– Не виде... – окончание фразы было перекрыто сухим звуком рушащегося моста.
– Упал, – констатировал Тотошка.
– И чего тебе радоваться? Наши вещи...
– Ничего с нашими вещами не случится – все в резиновом мешке, а огонь туда не добрался.

– Все равно, теперь придется в золе копаться, пока достанем все... Да что ты радуешься?
– А парню-то мы, считай, жизнь спасли, – сказал Тотошка.
– Ну и спасли. Дальше чего?
– Вот если бы у тебя было столько денег, а тебе бы жизнь спасли, ты бы расплатилась со спасителем?

– Ну...
– Не ну, а расплатилась бы.
– Так что, в больницу его отправим? Позвоним по телефону в «скорую»...
– Дура. – Тотошка сказал это так веско, что Ирина не стала спорить, что с ней, вообще-то, бывало редко. – Во-первых, кому там объяснишь, что это он с моста упал, а не мы его по голове стукнули?

– Побойся Бога!
– Ага, сейчас. А, во-вторых, потом он нас и знать не захочет. А деньги отдаст врачу.
– Так мы их сразу заберем.
– И получится, что мы их украли. А так, если мы его тут вроде бы полечим, все будет так, будто мы это заработали...

– Так мы ж и так заработали. Ты же сам только вот сказал, что мы ему жизнь спасли.
– Так он же этого не знает. И начнет искать. И еще...
– Чего еще?
– Вот придет он в себя, а мы тут рядом, за ним ухаживаем. Он не только денег не спросит, еще нам и потом доплатит. Точно тебе говорю. Доплатит.

Ирина задумалась. Картина, нарисованная Тотошкой, была соблазнительной до нереальности.

– А как он не даст нам ничего?
– Тогда мы ему скажем, что все деревянные бабки мы на него потратили, а еще лучше, что мы его подобрали уже без кошелька.

Ирина покачала головой:
– А нашим всем чего скажем?

- А то и скажем, мол, нашли, решили спасти и денег заработать.
- Делиться придется.
- И так, и так придется. Либо перебираться куда-нибудь из Норы.

После этого оба промолчали минут пять, так их потрясла сама мысль о возможности расставания с Норой.

– Ладно, чего сидеть, – сказала Ирина, – потащили. Только всем нашим скажем, что баксов у него не было.

- Лучше о них вообще ничего не говорить, – согласился Тотошка, – потащили.

Твое тело умнее тебя. Оно все знает само. Оно сделает все за тебя без твоих команд. Оно готово к этому. И если ты не будешь ему мешать, вы сможете выжить в любой ситуации – ты и твоё тело.

Если тело захочет отдохнуть – отдохни. Даже если тебе это покажется нелепым. Мы научили твоё тело действовать самостоятельно для того, чтобы твой мозг мог работать, не отвлекаясь на мелочи. Тело работает – мозг анализирует.

Мозг сильнее, он может заставить тело работать вопреки его желаниям. Всегда наступает момент, когда нужно идти наперекор желаниям тела. Но до этого момента не мешай ему. Не мешай.

Лучше помоги ему.

Раны, травмы, стрессы – тело справится с ними. Ты просто отстранись и подожди. Если нет более правильного решения – жди. Если нет других возможностей – жди. И ни в коем случае не пропусти своего шанса.

Целую неделю Нора жила одним непривычным чувством. Крысы неожиданно для себя почувствовали какое-то странное азартное сострадание. Очнется парень или не очнется. Сизый даже попытался по этому поводу с кем-нибудь поспорить, но его просто затюкали.

Ирина и Тотошка неожиданно оказались в центре всеобщего внимания, когда притащили парня к себе в шалаш. Первыми потрясение от этого испытали ближайшие соседи стариков, братья Кошкины. Несмотря на то, что голова, по общему мнению Норы, у братьев была одна на двоих, Кошкины сразу же прониклись значимостью и необычностью момента.

В глубинах давно нечесанных голов, помимо легкого изумления, зашевелились воспоминания о том, как сами они подбирали то ушибленную собаку, то птицу со сломанным крылом. И к парню, без сознания лежащему в сложенном из листов жести шалаше, возникли те же чувства. Даже не жалости, а, скорее, заинтересованности, получится выходить или нет.

Ирина посвятила всех в свои далеко идущие планы относительно парня. Особое внимание было уделено доле, которую вся Нора в будущем должна была получить. В результате, первую же ночь пострадавший провел на двух относительно чистых матрацах и под единственным во всей Норе целым одеялом.

Доктор Айболит, или просто Доктор, вспомнил те времена, когда еще худо-бедно придерживался клятвы Гиппократ, тщательно осмотрел больного, ощупал каждую косточку, за неимением фонендоскопа прослушал легкие и сердце, прижав ухо к грудной клетке, и заявил с уверенным видом, что никаких сильных повреждений не наблюдает.

- Тогда чего ж он третий день не очухивается? – поинтересовался Тотошка.
- Не знаю, – Доктор почесал бороду, – может, сотрясение мозга.
- И сколько он может так вот лежать?
- А я почему знаю? – резонно возразил Доктор.

Ирина честно пыталась кормить больного, даже по этому поводу пошла на совершеннейшее расточительство и купила в магазине курицу. Бульон и мясо пришлось съесть самой вме-

сте с Тотошкой, а Доктор, которому досталась пара кусков курицы, рекомендовал подкармливать парня глюкозой.

Все Крысы с замиранием сердца следили за процессом лечения. Братья Кошкины почти не отходили от шалаша стариков, Доктор поставил больному капельницу, купленную Тотошкой, через которую в вену на руке стала поступать глюкоза, также честно приобретенная дедом.

И что самое странное и необычное, никто из обитателей Норы за всю неделю не проболтался о пациенте. Никто и никому. Хотя, если честно, у Крыс и не было особенной возможности. Ими не особенно интересовались.

После взрыва у клуба, всю площадь вначале огородили, разгребая обломки, и выискивая среди них останки погибших. Была обнаружена сумка с пультом управления, но, по какой-то странной случайности, пульт исчез еще до того, как с ним смогли поработать эксперты.

Остатки взрывного устройства также были найдены, и журналистам было сообщено, что ведется следствие, и даже проверяются некоторые версии. Какие версии, как и кто их проверяет журналисты выяснить так и не смогли. И, собственно, не особенно и выясняли.

Все преступления уже давно делились на два основных вида – раскрытых по горячим следам и вообще не раскрытых. Что-то подсказывало средствам массовой информации, что дело о взрыве возле клуба попадет во вторую категорию.

Делу суждена была жизнь долгая и неторопливая. Была создана особая группа, которая находилась под специальным контролем, который, в свою очередь был под постоянным наблюдением, о результатах которого немедленно сообщалось на самый верх, который немедленно информировал общественность обо всех сдвигах в этом деле. Или должен был информировать.

Зато вокруг клуба жизнь была ключом. Владелец клуба, решив после непродолжительного раздумья, что счастья на этом месте ему не видать, продал закопченное здание новому владельцу. Новый владелец, человек влиятельный и решительный, бульдозерами быстро, за день, расчистил площадь, еще через день площадь и клуб были обнесены лесами, а еще через день всем вдруг стало известно, что городские власти решили на месте свалки за оврагом, построить новый оптовый промтоварный рынок.

И, естественно, право на строительные работы получил все тот же уважаемый в городе человек. Еще пять лет назад он откликался на жизнерадостное прозвище Гиря, но теперь никто не решался именовать его иначе как Геннадием Федоровичем.

Геннадий Федорович потряс всех своей оперативностью и прозорливостью. Ровно через три дня после взрыва и через два дня после покупки клуба, он уже имел четкий план и подробный проект реконструкции и клуба, и площади перед ним. К одному из журналистов попала даже информация о том, что дня за два до взрыва, на склад одной из фирм Геннадия Федоровича были завезены специальные стекла, которыми и был застеклен обезображенный фасад клуба.

К счастью для журналиста, редактор не дал хода этим клеветническим измышлениям. И все шло тихо и неторопливо.

– Уже неделя... – сказал Тотошка.

– Ну и чего? – Ирина помешивала что-то в большой закопченной кастрюле, украденной Тотошкой несколько лет назад в детском саду.

– А он все никак не очнется.

– Ну и что?

– А если его теперь на всю жизнь парализовало?

– Айболит сказал, что позвоночник целый.

– Айболит сказал! Много твой Айболит знает! Забыла, как он спяну чуть Старого не угробил?

– Так не угробил же!

– Как? – спросил один из Кошкиных, выныривая из темноты.

– Чего «как»?

– Он? – дополнил вопрос второй Кошкин, появившийся рядом с близнецом.

– Лежит. Чего ему...

– Долго... – протянули Кошкины хором, усаживаясь возле костра.

– Вы на картошку особо пасть не разевайте, – на всякий случай напомнила Ирина, – надо и честь знать!

– А мы это...

– Принесли...

– Вот! – Кошкин открыл помятый дипломат, с которым никогда не расставался, и извлек из него две банки консервов и раздавленный батон, – Вот.

– И где ж вы это все взяли? – украсть Кошкины не могли по нескольким причинам сразу, это Ирина знала твердо.

Первой причиной было то, что ни в один магазин их просто не пускали. Мыться Кошкины еще время от времени умудрялись, но вот стирка была выше их понимания. Соответственно, запах их всегда сопровождал невыносимый.

Вторая причина заключалась в том, что Кошкины просто не могли додуматься до того, что можно брать чужое. Видно в детстве, кто-то накрепко вбил им в головы, что воровать нельзя. В результате, максимум криминала, на который могли решиться Кошкины, это без спроса порыться в мусорнике.

– Так где взяли жратву? – повторила свой вопрос Ирина.

– На свалке, небось, нашли? – съязвил Тотошка.

– Не...

– Сейчас врежу по башке, – предупредила Ирина.

– Там, того, машина...

– Застряла в яме... это...

– Мы толкнули... Вот.

Оба брата замерли, истощив свои интеллектуальные и эмоциональные силы рассказом.

Если природа действительно отпустила братьям один мозг на двоих, то, спохватившись, отвалила им физической силы на четверых, а то и на пятерых. Никто толком не представлял себе, на что способны близнецы. И все как-то не подворачивался повод, чтобы это выяснить.

– Большая машина? – спросил Тотошка.

– Зеленая.

– С кузовом.

– Ладно, жрать пора, – сказала Ирина, – готово.

Кошкины с готовностью подвинулись к костру.

– Миску свою тащите, – скомандовала Ирина.

– Вкусно тут у вас пахнет! – раздался из темноты голос Доктора.

– Ступай с Богом! – Ирина замахнулась черпаком.

– Брось, Ирина, я в складчину, – Доктор помахал палкой колбасы и бутылкой.

– Что в посуде? – живо заинтересовался Тотошка.

– На этикетке сказано – водка. Русская.

– На этикетке! – Ирина налила варева из кастрюли в три побитые эмалированные миски и в притащенный Кошкинами небольшой тазик, – прошлый раз вон тоже было написано – водка. Чуть дуба не врезали!

– Обижаете, мадам, – сказал Доктор, – эту колбасу и этот напиток, я позаимствовал из весьма уважаемого места.

– Позаимствовал! Поймают тебя когда-нибудь, и убежать не сможешь, развалина старая.

– Как мой пациент? – поинтересовался Доктор.

– Все также, лежит себе молча и глаз не открывает. Только пеленки ему меняю. Вот ведь нашли на свою голову. А все этот козел старый, подберем да подберем!

– Не ной, старая, – Тотошка, крихтя, встал с ящика, который служил ему стулом, и направился к шалашу, – Шас, стаканчики возьму и выпьем, за здоровье и выздоровление.

Кивнули все, даже Кошкины, которым водки, на всякий случай, никогда не наливали.

Доктор открыл консервы, заработанные братьями, порезал хлеб и колбасу. Кошкины принюхивались к запаху из тазика, но не ели, ожидая, когда приступят остальные. Эта сцена повторялась из вечер в вечер и стала своеобразным ритуалом.

– Ирина! – донесся из шалаша голос Тотошки, – ты нашего постояльца не передвигала?

– Чего? – не поняла Ирина.

– Постояльца, нашего, говорю, ты как оставляла – головой к выходу или ногами?

– Ногами. А чего?

– Так он лежит головой. И на животе.

– Иди ты!

– Сама иди, курица. Иди вот и посмотри.

– Чего мне смотреть. Ты сам лазил в шалаш последним. Небось, и переложил, черт суматошный!

– Ничего я не перекладывал. А шас он лежит головой к двери.

Ирина вскочила с места:

– И вправду, что ль?

Кошкины почти ничего из разговора не поняли, но на всякий случай тоже встали.

– И капельницу из руки вынул, – сказал Тотошка.

– Такое бывает, – спокойно прокомментировал Доктор. – Теперь нужно просто положить его обратно.

– Не нужно, – сказал незнакомый голос.

– Тебя не спрашивали, – автоматически отреагировала Ирина и замерла.

Голос действительно был незнакомый и молодой.

– Не надо перекладывать, – повторил голос, – мне так удобнее.

– Здравствуйте, – сказал Тотошка, – доброе утро.

Глава 3.

В здании клуба пахло гарью, сыростью и строительными материалами. Ремонт велся стремительными темпами, потому, что рабочим сообщили – САМ желает, чтобы новое приобретение заработало как можно скорее. И рабочие, и те из obsługi клуба, кто уцелел после взрыва и увольнений, великолепно понимали, что САМ не любит когда его желания исполняются медленно.

Работа кипела. Уже практически были заменены все стекла, содрана и частично заменена облицовка, завезена новая мебель и даже обновлены запасы выпивки в барах. Трудилась группа дизайнеров, которые должны были переделать главный офис согласно требованиям Геннадия Федоровича.

Эти требования были изложены лично Геннадием Федоровичем в краткой беседе с дизайнерами, причем общий смысл беседы сводился к двум простым принципам: если все будет как надо и быстро – за ним, Геннадием Федоровичем, не заржавеет, если же что-то будет не так, то...

Второму моменту заказчик уделил особое внимание и очень живописно, в деталях и подробностях описал, что именно ожидает работников в этом случае. Беседа закончилась двумя обмороками у нервных и утонченных оформителей. И еще тем, что продолжительность рабочего дня дизайнеров с того момента, совершенно добровольно, без всякого принуждения со стороны заказчика, приблизилась к двадцати часам.

Даже перекуры и перерывы на кофе были практически изжиты дизайнерской группой.

Но в этот день с самого утра дизайнеры не могли работать. Они вынуждены были жалко ютиться в уцелевшем казино, с легким ужасом поглядывая на часы. И к запахам пожарища и ремонта прибавлялся запах отчаяния.

Личные телохранители Геннадия Федоровича, по его распоряжению погнавшие группу художественной интеллигенции прочь от кабинета шефа, во всем этом коктейле запахов отчетливо улавливали еще и тонкий, но очень колоритный аромат неприятностей. За время работы на Геннадия Федоровича, телохранители, как и вся близкая обслуга, поняли, что от этого аромата голова болит у всех, поэтому, на всякий случай, держались от двери кабинета в почтительном отдалении.

Чтобы, ни дай Бог, не услышать хотя бы словечко из тяжелого разговора, который в настоящий момент вел их шеф, уважаемый Геннадий Федорович.

Кстати, на протяжении всего тяжелого разговора Геннадий Федорович не был ни уважаемым, ни, собственно, Геннадием Федоровичем.

– Что, Гиря, мозги совсем салом заплыли? Или со своими девками память прогулял? – вопросы были заданы человеком, весь вид которого ясно говорил, что он, во-первых, имеет право задавать такие вопросы именно таким тоном, а, во-вторых, что он привык задавать именно такие вопросы и именно таким вот обидным тоном.

– Андрей Петрович... – начал было очередную попытку Гиря, но Андрей Петрович в очередной раз пресек ее.

– Ты, Гиря, просто мелкий зажавшийся сявка. И не надо здесь топорщить пальцы и демонстрировать авторитет. Ты мелкий, зажавшийся сявка, – Андрей Петрович говорил негромким, ленивым голосом барина, заставшего лакея за дегустацией барского коньяка.

Было во внешности Андрея Петровича что-то этакое, заставлявшее всех при первом же знакомстве очень внимательно его выслушивать и очень серьезно относиться к сказанному. Этакий сплав номенклатурной уверенности и аристократической брезгливости.

Один журналист, в очень узком кругу, естественно, сказал, что Андрей Петрович похож на полковника КГБ с комсомольско-партийным прошлым в отставке. В законе, добавил второй журналист, и определение приобрело философскую законченность.

Все: и друзья, и враги, (а такие тоже были), – соглашались, что Андрей Петрович ИМЕЕТ ПРАВО. Причем, если употреблять эту фразу в юридическом смысле, то ударение делалось на «имеет», отчего фраза приобретала двусмысленный неприличный оттенок.

– Тебе что, урка мелкая, было сказано? – Андрей Петрович наконец перевел взгляд с литой бронзовой пепельницы на лицо собеседника, и тот понял, что ему разрешено отвечать.

– Ну... Взор... – Гиря откашлялся, – Взорвать машину возле клуба.

– Взорвать машину... – Андрей Петрович устало прикрыл глаза, – машину... Это такая железная штукавина на четырех колесах.

– Да...

– Что ты говоришь? – Андрей Петрович снова открыл глаза, – Ты со мной согласен? Ты знаешь, что такое автомобиль?

– Ну...

– Тогда, если ты такой умный и образованный, объясни, почему вместо этого ты взорвал здесь все! Все! – Андрей Петрович немного повысил голос, и Гиря вздрогнул, как от крика.

– Понимаете, Андрей Петрович...

– Понимаю. Тебе просто очень нравится, когда все горит и взрывается. Ба-бах! – Андрей Петрович взмахнул рукой. – Для того, чтобы заставить хозяина этого заведения продать свою недвижимость, достаточно было ста граммов обычного тринитротолуола. Или, говоря проще, тола, динамита, взрывчатки. Сто граммов в ворованной машине. Вместо этого...

– Я подумал, что так будет лучше, без базара, сразу. Он как раз в тот же вечер и согласился. Сразу и бумаги подписали...

– Бумаги подписали? А что, без всего это фейерверк он не подписал бы бумаг? Ведь с ним же уже работали, нужно было просто подтвердить серьезность наших намерений. Маленький взрыв, который потом легко было бы списать на несчастный случай, на хулиганство, на черта и дьявола... Тихий, домашний взрыв без покойников и инвалидов.

Андрей Петрович ударил ладонью по крышке письменного стола.

– И этот твой идиотизм теперь аукнулся по всей стране, до самой любимой столицы. Да что там по всей стране! Мы даже попали в новости западных информационных агентств. Прославились. И все благодаря глупости одного чугуноволого!

Гиря промолчал. Он был виноват, и ничего тут теперь не поделаешь. Но ведь он хотел как лучше. Быстро и хорошо. Гиря всегда хотел, чтобы было быстро и хорошо. Еще когда даже не мечтал ни о чем большом, еще до первой ходки в зону. Ему нравилось использовать свои возможности по максимуму. И чем больше становились возможности, тем больше ему нравилось их максимально использовать. Часто это его заводило в неприятности. Вот, как с этим проклятым клубом.

– Что теперь прикажешь делать? – спросил Андрей Петрович.

– Чего тут делать... Через пару-тройку деньков закончу ремонт клуба. Потом восстановлю стоянку, сквер, поставлю киоски. Это... Потом, потихоньку начну строить рынок. Проект...

– Ты мне скажи, Гиря, эта хохма со стеклами – правда? – почти ласково спросил Андрей Петрович.

– Со стеклами? – Гиря поежился, – Ну, что я заранее подготовил?

– Значит, правда... – со странным выражением лица протянул Андрей Петрович, и Гире показалось, что в кабинете стало холодно.

– Я хотел как лучше...

– Лучше, – Андрей Петрович прищурился, – А скажи, Гирия, что мне должно помешать пришить тебя прямо в этом кабинете? Вышибить тебе то дерьмо, что ты таскаешь между ушами?

– Я исправлю! Честно, исправлю. Я...

– Слушай сюда, – голос Андрея Петровича стал жестким и властным.

В кресле уже сидел не расслабленный барин, а хищник, способный разорвать любого, кто встанет на его пути.

– Слушай сюда, – Андрей Петрович достал из портфеля пластиковую папку и бросил ее на стол перед Гирей, – Здесь лежат документы, по которым ты купил этот клуб не вечером после взрыва, а вечером накануне. За сутки до взрыва. Все оформлено и заверено нотариусом.

Там же копия твоего заявления в милицию о том, что тебе неоднократно угрожали расправой, требуя у тебя денег. Заявление подано тобой в органы неделю назад. У ментов тоже все оформлено и зарегистрировано. Сегодня после обеда к тебе прибудет следователь.

Завтра с утра окружающие дома будут обследованы специальной комиссией мэрии, и те из них, которые выходят на площадь, будут признаны аварийными, после чего ты за свой счет переселишь всех жителей этих пятиэтажек в один из своих домов в Северном микрорайоне. И выступишь перед журналистами на пресс-конференции. Скажешь, что чувствуешь свою вину за происшедшее и так далее, шпаргалку тебе подвезут перед выступлением. Освободившиеся дома отремонтируешь под гостиницы для рынка. Все понятно?

– Вроде... Только...

– Что?

– Кто это мне угрожал?

– Тебе уже и угрожать никто не мог? Крутым стал?

– Да нет, – Гирия помотал головой, хотя в глубине души чувствовал себя именно таким крутым, – просто нужно будет сказать...

– Кавказцы. Наехали ребята с Кавказа. Кстати, их и вправду нужно немного прижать. Еще есть вопросы?

– Нету, – торопливо ответил Гирия.

– Снова все знаешь?

– А чего там? Проект готов, можно строить рынок. С Мэрией поладили, как только поставим первые ряды, начнутся проверки всех городских рынков. Там еще автобусы сюда пустим от вокзала, бесплатные для торговцев. Все, кажись...

– В общих чертах – все, – кивнул Андрей Петрович. – Только небольшие проблемки. Ты не забыл, что нужно еще разогнать этих бомжей в овраге?

– Крыс? Сегодня же мои пацаны...

– А если бомжи не послушают? Менты их погнать не смогли.

– Подгоню пару бочек с бензином, и не одна скотина из оврага не вылезет.

– Козел! – оскорбление прозвучало громко и резко.

Андрей Петрович встал с кресла и подошел к замершему Гире:

– Козел, ты так ничего и не понял? Тебе ведь ясно было сказано – тихо. Ты со своим взрывом выбрал уже весь лимит шума и дыма. Весь. Полностью. Даже я не смогу прикрыть твою задницу после этого. С этими Крысами ты должен будешь разобраться тихо. Иначе я тебя зарюю. Усек?

– Да, я просто не подумал, я сделаю... Как надо... Все будет тихо...

– И без покойников.

– И без покойников.

– Вот и ладно. Вот и хорошо. Пообщайся с ментами, может они тебе в этом деле помогут, – Андрей Петрович взял со стола портфель и подошел к двери.

– До свидания, – сказал Гирия.

– Чуть не забыл, деньги за переоформление покупки, бабки ментам и журналистам я вычту из твоих. Не возражаешь?

– Нет базара, без проблем! – Гиря так и не встал из-за стола.

– Не провожай, – сказал Андрей Петрович и вышел.

Гиря закрыл лицо руками. Посидел молча с минуту, потом резко выдохнул и выпрямился в кресле. Пронесло. На этот раз пронесло... Нужно быть осторожней. Андрей Петрович прав. Сволочь, но прав.

Неожиданно Гиря зевнул, раз и еще раз. Судорожно, со стоном, как собака. Страх выходил, и с каждым глубоким вздохом Гиря снова превращался в Геннадия Федоровича.

Нужно будет сегодня же вечером отправить пацанов к Крысам. Предупредить, чтобы аккуратно. Еще следак сегодня придет... Ладно...

Геннадий Федорович достал из кармана пиджака «паркер» и сделал пометку в ежедневнике.

Подал голос телефон.

– Да?

– Чуть не забыл, – раздалось в трубке, и по спине Гири пробежал холодок, – тот пиротехник, что готовил фейерверк...

– Да-да...

– Его стоит уволить. Совсем. Не возражаешь?

– Сегодня же!

– Вот и отлично. До свидания.

Геннадий Федорович осторожно положил трубку на телефон, вынул носовой платок и отер лицо.

Подрывника нужно убрать. «Паркер» замер над листом бумаги. Лучше не записывать, одернул себя Геннадий Федорович.

Это можно назвать случайностью, но лучше это называть рикошетом. Любой случайности можно избежать, практически любой рикошет можно предусмотреть. В момент выстрела нужно не только стараться поразить цель, но и внимательно следить за возможным рикошетом. Опытный стрелок всегда отвечает за свой выстрел, но он не может всего предусмотреть. Это может быть невидимая помеха, или что-то, попавшее на директрису выстрела уже после вылета пули.

Точно также и ты. Твое движение может быть нарушено помехой, не подвластной тебе, не поддающейся контролю или расчету. В этом случае ты должен помнить – это не случайность, это рикошет. Первое, что ты должен сделать в этом случае – остановиться. Замереть и проанализировать все произошедшее, оценить возникшую помеху, попытаться выйти на прежнюю траекторию, или рассчитать новую, которая приведет тебя к цели.

Если по какой-то причине цель поставлена не будет – определи ее сам. Никогда и ничего не делай бесцельно. Иначе ты потеряешь контроль над собой.

Ничто так не мешает тебе, как непредусмотренный рикошет. И ничто так не помогает, как рикошет тщательно рассчитанный. Пусть со стороны это выглядит как случайность, как стечение обстоятельств. Для других. Ты же должен знать, что это тщательно рассчитанный рикошет. И тщательно его рассчитывать.

– Как дела у нашего Маугли, – спросил Доктор у Ирины.

– Пошел ты... – Ирина бросила недовольный взгляд на некстати припершегося соседа, потом перевела этот недовольный взгляд на шалаш.

– Так и не вспомнил ничего? – спросил Доктор, спокойно устраиваясь возле костра. Ему было не привыкать к холодному приему у Ирины.

– Ничего не вспомнил, – жизнерадостно подтвердил Тотошка. – Все напрочь. Как корова языком. Как, говоришь, это называется?

– Травматическая амнезия.

– Во-во. Ам-незия. Это что, теперь на всю жизнь?

– Бывает по-всякому, но чаще всего проходит достаточно быстро. Зависит от обстоятельств.

– Ага, – подтвердила Ирина, – чем-нибудь шандарахнуть по макушке – он все и вспомнит.

– Если ты шандарахнешь, тогда ничего не вспомнит, – съязвил Тотошка и подмигнул Доктору, – легче под трамвай попасть, чем под ее удар.

– Уж ты бы не умничал, дурак старый, это ты повесил обузу нам на шею. «Заплатит, заплатит!» Черта лысого он заплатит.

– Это точно, – согласился Тотошка, – он, даже если бы захотел, теперь не сможет вспомнить, где у него деньги лежат.

– А где он, кстати, – спросил Доктор.

– Пошел прогуляться, – ответила Ирина, – осмотреться.

– Походить перед обедом для аппетита, – хихикнул Тотошка.

Ирина промолчала, но весь ее вид ясно продемонстрировал, что делает это она из последних сил. Тотошка и сам почувствовал, что хватил лишку и замолчал. Проблема и правду становилась серьезной. Спасенный парень напрочь не помнил ничего о себе.

После своего счастливого пробуждения он был подвергнут допросу почти всеми жителями Норы, но, ко всеобщему разочарованию, ничего внятного рассказать о себе не смог.

Простой и благородный способ обогащения Ирины и Тотошки оказался под угрозой. Кто-то из Крыс посочувствовал старикам, кто-то позлорадствовал. Ирина, улучив минуту, все высказала деду о его уме и предусмотрительности. Тотошка не возражал. Он просто кротко спросил у Ирины, что теперь дальше делать.

«Гнать его к чертовой матери!» – решительно заявила было Ирина, но потом немного сникла.

Гнать нахлебника, конечно, стоило, но куда и, самое главное, как? Кроме этого где-то в глубине давно не чищенной души и у Ирины, и у Тотошки холодным червячком копошилось чувство вины. Его деньги, доллары, были надежно спрятаны стариками.

И старики понимали, что с этими деньгами парню было бы гораздо проще найти свои следы и людей, которые напомнили бы ему его прошлое.

Решение проблемы было отложено до возвращения парня с прогулки.

– Имя ему надо хоть какое-нибудь придумать, – задумчиво сказал Доктор, – без имени человеку нельзя.

– Нельзя, – подтвердил Тотошка.

– И ты туда же, козел старый! – снова взорвалась Ирина, – Без имени человеку нельзя! Сами вон обходитесь собачьими кличками! Тотошка, апорт! Доктор, сидеть!

– Так то – мы, – неожиданно серьезно сказал Тотошка, – а то – люди.

– Как ни прискорбно, Ирочка, но нас с вами к людям уже отнести нельзя, – согласился Доктор, – хоть обижайтесь, хоть нет.

– Так пусть тебя люди и кормят, Айболит задрипанный! – Ирина зло сплюнула и пнула ногой некстати подвернувшийся под ноги картонный ящик.

– А я, между прочим, не напрашиваюсь, – гордо сказал Доктор, – в этой вашей кастрюле, если мне не изменяет память, варится и моя картошка с куском мяса, который я сегодня утром принес.

– А миски ты не помыл? Все за вас делать нужно, бездельники, – Ирина взяла со стола, сложенного из трех зиловских покрышек, накрытых сверху листом фанеры, стопу мисок и ушла в кусты, к струйке воды, вытекавшей из склона оврага, и которую Крысы гордо именовали родником.

– Не обращай на нее внимания, – сказал Тотошка, – это она только на словах...

– Да знаю я, не первый год знакомы.

– И не жадная она. Вон нашему найденышу с собой дала денег. Мне столько никогда не давала, – Тотошка покачал головой, вспоминая, каких трудов обычно ему стоило получить у Ирины хоть маленькую толику наличности.

– Ирина умная женщина. Теперь этот ваш Тарзан может решить – оставаться ему у вас, или уехать куда подальше. Обратиться в ту же милицию.

– Вот чего не хватало! Начнут таскать: кто, куда, откуда, как?

Доктор задумчиво покивал. Отношения с милицией у него, как и у всех остальных Крыс, были напряженными. Время от времени стражи порядка, вдохновленные приказами сверху, либо начинали гнать Крыс из Норы, либо принимались изгонять их из мест возможного заработка. И то, как милиция могла использовать случай с потерявшим память, можно было себе только представить. Причем, ничего хорошего при этом в голову не лезло.

– Как же его все-таки называть? – сам у себя спросил Доктор.

– Да что он, шавка, чтобы ему кликуху цеплять, сам себе и придумает, – заключил Тотошка. – Ты мне вот лучше скажи, он вернется? Как думаешь?

– Не знаю, – ответил серьезно Доктор, – не знаю. И вернется к нему память или нет – тоже не знаю. Честно.

В кустах шумно завозились.

– Могу поспорить, это наши близнецы идут, – Доктор оглянулся через плечо.

– И не с пустыми руками, – сказал, присмотревшись, Тотошка, – откуда это вы, красавцы?

– Мы...

– Это... – Кошкины потоптались возле костра, держа перед собой объемистые картонные коробки.

– Имущество можете поставить на землю, – скомандовал Тотошка, – что это там у вас?

Он встал со своей табуретки, неторопливо подошел к коробкам, осторожно опущенным Кошкиными на землю, и заглянул.

– Ни хрена себе! – вырвалось у Тотошки.

Доктор, подошедший на секунду позже, выразился примерно в том же духе:

– Мать моя!

Потом оба подозрительно посмотрели на близнецов.

– Стибрили? – спросил Тотошка.

– Где украли? – спросил Доктор.

– Что украли? – громогласно спросила Ирина, вернувшаяся с вымытой посудой к столу, – Кошкины, что ль, украли?

– Сама посмотри, – сказал Тотошка, – не иначе, супермаркет возле метро вынесли почти весь наши близнецы. Наконец-то и им Бог немного соображения послал.

Ирина наклонилась над одним из ящиков, осторожно переложила какие-то пакеты, потом выпрямилась и сердито посмотрела на Кошкиных, снизу вверх:

– Вам что, в детстве не говорили, дубины безголовые, что таким дуракам как вы, воровать нельзя? Вас же сразу же посадят, а из зоны вы не вернетесь. Там и сгинете. А я вас разве не предупреждала? Ну? Где украли?

– Это как они только успели... – покачал головой Доктор, присевший возле ящиков на корточках, – и выпивка, и закуска, и даже мыло, зубная щетка и паста...

– Чего? – обернулась Ирина.

– Паста, говорю, зубная и щетка. И еще туалетная бумага.

Все замолчали, переваривая новое открытие. Если с ворованными продуктами, с большой натяжкой, Кошкины еще как-то ассоциировались, то с зубной пастой и туалетной бумагой...

– Это, наверное, кто-то купил, а они позаимствовали, – предположил Доктор.

– Да перестаньте вы мычать! – Ирина, наконец, не смогла больше терпеть неопределенного мычания близнецов, и две звонкие оплеухи припечатались к небритым физиономиям Кошкиных.

– Да мы...

– Не это... Не воровали...

– Нам он...

– Ну, этот – жест в сторону шалаша, – этот дал.

– Возьмите, говорит...

– Ирине отдайте...

– Мы и принесли... – Кошкины попятились от Ирины, не переставая оправдываться.

– Ты сколько нашему приемному денег дала? – спросил Тотошка, вытаскивая из коробки бутылку и внимательно рассматривая на свет этикетку, – Ничего себе!

– Совершенно с вами согласен, – удивленным голосом сказал Доктор, – какое бы сегодня хорошее настроение ни было у нашей хозяйки, но то, что она дала бы денег на бутылку такого напитка...

– Положи на место! – приказала Ирина.

– Я только посмотреть!

– И кроме этого, Кошкины сказали, что им приказано отнести это к тебе.

– Сказали – мазали! – отрезала Ирина, – Будете ужинать супом.

– А? – Тотошка указал взглядом на бутылку.

– Не засохнешь.

– Минуточку, – Доктор решил поставить все точки над «i», – Что вам еще сказал Маугли?

– А? – литературные познания Кошкиных не распространялись настолько далеко.

– Ну, подкидыш наш, этот вот, – Доктор повторил жест в сторону шалаша, который недавно проделал один из близнецов.

– А, – Кошкины синхронно кивнули.

– Что он вам еще сказал?

– Это...

– Сказал...

– Что сказал?

– Сказал, чтобы это...

– Ели...

– Что в коробках...

Силы Кошкиных подошли к концу, и они замолчали, тяжело переводя дыхание.

– Слышала? – спросил обрадованный Тотошка, – Сказал наш подкидыш, чтобы все, значит, ели.

– Тебе туалетную бумагу зубной пастой намазать? – хладнокровно осведомилась Ирина.

– Змея...

– Напрасно вы так, Ирина, ведь Кошкины достаточно внятно... – сказал Доктор.

Кошкины на минуту оторвались от тазика с супом, который перед ними только что поставила Ирина, и покивали давно нечесаными головами.

– А близнецы никогда не врут, – подвел черту Доктор.

– У них на это мозгов не хватает, – поддержал Тотошка.

Ирина промолчала, и сожитель решил принять это молчание, как утвердительный ответ. Он тихонько встал с ящика и медленно стал пробираться к коробкам. Даже братья Кошкины перестали хлебать варево и напряженно уставились на Тотошку. Доктор нервно потер руки.

Взгляд Ирины тяжело скользнул по Тотошке, потом остановился на коробках...

– Ладно, черт с вами, – Ирина махнула рукой и поставила на стол три кружки, – наливай.

– Вот это совсем другое дело! – оживился Тотошка, – это правильно. Закусочку тоже брать?

– Бери, – вздохнула Ирина.

– Рыбки или балычок? – Доктор мгновенно оказался возле коробок.

– Балычок, – сказала Ирина.

– Точно, сколько той жизни, – Тотошка отвинтил пробку с бутылки и принялся, блаженно закрыв глаза.

– Помню, в семьдесят втором... – начал Доктор.

– Может, он вспомнил о себе все, и вот теперь решил отметить это дело? Отблагодарить? – вслух подумала Ирина.

– Ага, ага, – Тотошка мелко покивал головой, торопливо разливая в кружки коньяк.

– Вряд ли, – сказал Доктор, не отрывая взгляда от кружки, – зачем бы он стал покупать туалетную бумагу, зубную пасту, щетку? Для нас? Не похоже. Только для себя... Да осторожнее, ты!

Тотошка поставил бутылку и печально поглядел на лужицу коньяка на столе.

– Заставь дурака... – проворчала Ирина и взяла свою кружку.

– За что выпьем? – Доктор поднял кружку почти над головой.

– За присутствующих здесь дам! – хихикнул Тотошка.

Кошкины одновременно прикончили свою порцию супа и теперь с интересом присматривались ко всему происходящему.

– Козел, – сказала Ирина.

– Чего ты? – Тотошка осознал, что перегнул палку и попытался исправить ошибку, – Ты ж и, это, тоже... ну, почти... дама.

– Я предлагаю выпить за нашего найденыша! – провозгласил Доктор, – Пусть он станет символом новой, хорошей жизни, которая...

– Рай на земле, – бросила Ирина.

– Нет, вы не правы, мы первый раз пьем здесь такой напиток. Помню, в семьдесят втором...

– Пей уже, пророк, – оборвала его Ирина.

Тотошка поспешил и поперхнулся. Он мучительно закашлялся, засипел, на глазах выступили слезы.

Доктор выпил свою порцию коньяка медленно, словно процеживая напиток сквозь зубы. Глаза его были мечтательно закрыты.

– Да, – сказал Доктор, допив, – это великолепно. Просто великолепно.

– Ешь, давай, – приказала Ирина, выпившая коньяк без эмоций, как воду, – и ты, козел старый, тоже закусывай, а то развезет...

Ирина отрезала два толстых куска балыка и сунула их Кошкиным. Те повертели в руках непривычную еду, потом разом сунули куски в рот. Зачавкали. Одновременно проглотили. И снова посмотрели на Ирину.

– Хватит вам, вас проглотов не прокормишь. Что в вас, что в огонь, только сильнее горит.

– А может, Доктор и прав? – откашлявшись и закусив, сказал Тотошка, – Может, и вправду, парень нам чего-нибудь поможет? В старости поддержит...

– Ты себе лучше снегурочку в декабре слепи. Или я тебе колобка испеку.

– Вечно ты, ненормальная, – обиделся Тотошка, – вот где он, по-твоему, денег на все это взял?

– Украл.

– Скажешь сразу – украл!

– А где еще он мог столько сразу взять? – Ирина отрезала еще два куска балыка и дала Кошкиным, – Заработать?

– Боюсь, что тут Ирина права, – Доктор отодвинул опустевшую миску и потянулся за мясом, – и украл, судя по всему, немало. А это создает угрозу поисков вора. Это вам не палку колбасы украсть. И даже не бутылку водки. Тут деньги.

– Думаешь, наш парень вор?

– Не знаю.

– Да чего там рассуждать, придет, сразу и узнаем. Он, может, просто в карты выиграл, – Тотошку немного повело от коньяка, движения стали порывистыми и неточными.

– У метро, на лоходроме! – съязвила Ирина.

– Вот тут почти точно нет, чтобы выиграть на лоходроме, нужно быть волшебником, – уверенно сказал Доктор.

Даже Кошкины кивнули. На лоходроме были жесткие правила, а самое главное из них гласило: «Лохи не выигрывают». Немногие случаи попыток некоторых клиентов уйти, не закончив игры, оборачивались насильственной экспроприацией оставшихся средств.

– Вот придет, мы у него спросим, – заявил Тотошка, – а сейчас, предлагаю по второй кружечке.

– Хватит тебе, разошелся уже совсем!

Из-за деревьев внезапно почти выбежал Конь:

– Жрете?

– Обедаем, – поправил его подобревший от выпитого Тотошка.

– Там на нас наехали, – выпалил Конь, – там еще Петровичу врезали, лежит, не шевелится. Ты, Доктор, пойдешь глянь.

– Кто наехал? – спросила Ирина, – Менты?

– Хуже, быки от ночного клуба, говорят, хозяин клуба приказал всем сваливать. Петрович, было, заикнулся, что не пойдём – вот и схлопотал. Пошли.

– Сидеть здесь! – приказала Ирина вставшим Кошкиным, – Сидеть тут и ждать! Понятно?

Кошкины кивнули. Туда, где могла произойти драка, Крысы Кошкиных не пускали. И всячески уводили от возможных потасовок.

У близнецов был еще один пункт – они не переносили, когда люди били друг друга. В этом случае братья брали инициативу в свои руки и не успокаивались, пока драчуны не переставали шевелиться.

Ответных ударов Кошкины просто не чувствовали. Доктор, потыкав их, в свое время, несколько раз иглами, заявил, что у пациентов очень высокий болевой порог, настолько высокий, что лично он, Доктор, не станет даже пытаться этого порога достичь.

Посему Кошкиных оставили возле печи с приказом следить и никуда не отходить, а сами быстро пошли к месту очередной неприятности. К наездам милиции, санитарных врачей и прочих представителей власти Крысы привыкли давно. В самых тяжелых случаях при темном социалистическом прошлом кое-кто мог сесть на год-два за тунеядство, в не менее темном капиталистическом настоящем большую часть Крыс могли загнать в санприемник, продезинфицировать и попытаться некоторых из них засунуть в лечебницы или дома престарелых.

Максимальным сроком восстановления популяции Крыс в Норе был срок в две недели.

Так что сегодняшний наезд представителей криминалитета был событием, близким к эпохальным.

Значимость визита Крысы осознали, особенно после того, как один из визитеров отправил Петровича в нокаут. За несдержанный язык и взрывной характер Петровича недолюбливали сами Крысы. Иногда даже, когда Петрович, с точки зрения Норы, преступал приличия, его били свои, но предельно аккуратно, так, чтобы напомнить правила общежития, но при этом не нанести ущерб трудоспособности.

Сейчас же Петрович лежал, не шевелясь, а тот, кто его вырубил несколькими ударами, стоял над ним, разглядывая лица Крыс, словно выбирая, кому еще попортить эти самые лица.

Героя звали Глыбой. Сколько он себя помнил, он всегда занимался боксом, особых спортивных вершин не достиг, но умение одним ударом организовать ближнему своему широкий диапазон повреждений от перелома челюсти, до сотрясения мозга, выдвинули его в первые ряды исполнителей суровой воли Геннадия Федоровича.

На сегодняшний вечер воля Геннадия Федоровича требовала припугнуть этот бомжатник, а потом проследить, чтобы все эти Крысы покинули места обитания.

– И не вздумай никого мочить или еще какой хипеш поднимать. Чтоб все было тихо, без мокроты, но так, чтобы к завтрашнему дню никого в овраге уже не было, – сказал шеф. Глыба остограмлился в баре и убыл в Нору.

Если бы в свое время Глыба не прогуливал практически все занятия в школе, он бы мог представить себя конкистодором среди несчастных индейцев. Сейчас же его переполняло просто чувство собственного превосходства и силы. Настроение у него было бы еще лучше, если бы ему в напарники Геннадий Федорович не дал Димыча.

Глыба признавал за Димычем множество достоинств, уважительно относился к таланту Димыча придумать план и отправить по этому плану на тот свет любого заказанного человека, но мочить все равно никто никого не собирался. Значит, присутствие Димыча в овраге не только не помогало, но даже мешало. Как круто выглядел бы Глыба, в одиночку разогнавший Нору.

Димыч, правда, в разборку не вмешивался, держался чуть позади, подстраховывая.

– Еще раз повторяю, – Глыба повысил голос и усмехнулся, – чтобы завтра к вечеру никого здесь не было. Куда хотите – на Хутора к цыганам, на другой конец города, в Лесопарк, но ежели я кого здесь застану – тут и зарю. И вот это вот чудо, – Глыба ткнул ногой в лежащего Петровича, – будет по сравнению с вами еще красавчиком.

Крысы помимо воли взглянули на залитое кровью лицо Петровича. По их рядам пронесся сдавленный стон. В то, что Глыба говорит правду, поверили все и сразу. А это значило, что привычное место придется покидать.

– Тем, кто только пришел, – Глыба сурово взглянул на подошедших сбоку Ирину, Тотошку и Доктора, в сопровождении Коня, – тоже скажите. Чтобы никто случайно не пострадал.

Довольный гладко и официально построенной фразой, Глыба захохотал и оглянулся на Димыча. Тот кивнул.

– Ну, покеда! – Глыба посмотрел на часы, – Нам пора.

Никто из Крыс не пошевелился, пока посетители не скрылись за деревьями.

Первым с места сдвинулся Доктор. Он присел на корточки над Петровичем, присвистнул.

– Вот и все, – сказал Старый, выполняющий обычно в Норе роль третейского судьи.

Какая-то баба всхлипнула.

– Че ревешь, дура! – прикрикнула на нее Ирина.

– А че делать? Завтра вон как придет, как начнет...

– И пожаловаться некому, – добавил кто-то из стариков.

– Отцу Варфоломею пожалуйся, он тебе на Ночлежке ямку посуше выберет и отпоет.

Теперь заговорили все разом. Понять что-либо из всего этого гомона было невозможно, но общая мысль сводилась к неизбежности исхода из Норы.

Ирина махнула рукой и двинулась к своему шалашу. За ней поплелся Тотошка. Опыение уже прошло, и мысли у Тотошки были одна темнее другой. Отправляться на Хутора к цыганам, как посоветовал Глыба, было бессмысленно и опасно. Цыганский барон рассматривал Крыс как конкурентов, и помощи от него ждать не приходилось. Лесопарк тоже отпадал по причине большой удаленности от рынков и центра города.

– Может, того... вправду к Варфоломею попросимся? – неуверенно спросил Тотошка.

– Ну, нас он, может, еще потерпит. А всех остальных. И сколько мы там сможем на Ночлежке прожить? Месяц? Два?

– Это точно, – вздохнул Тотошка.

– Добрый вечер, – фигура постояльца вынырнула из кустов совершенно бесшумно.

– Хреновый вечер, – сказал Тотошка, – за выпивку спасибо, а вечер все равно хреновый.

– Что случилось? – спросил парень.

– Ничего хорошего, – Тотошка в двух словах описал все, произошедшее в Норе, и парой сочных выражений обрисовал безрадостные перспективы. – Сказал, завтра придет, проверит.

– Тебя-то как зовут? – вмешалась Ирина, – Вспомнил? Где живешь?

– Не вспомнил, – ответил парень.

– Тогда придется тебе, парень, имя самому придумать, и самому шукать где прийтнуться, – тяжело вздохнул Тотошка.

– Придется, – сказал парень задумчиво.

– Пошли, допьем твое угощение, с горя! – предложил Тотошка.

– Значит так, – внезапно решительным тоном сказал парень, – Звать меня будем Михаил. Без фамилии пока обойдемся. Всем скажите, чтоб пока, до моего возвращения ничего не предпринимали. До утра я вернусь.

– Ты чего задумал, парень? – насторожилась Ирина.

– Ничего, все нормально. Говорите, двое было гостей?

– Двое, один такой здоровый, сказал, что его зовут Глыбой, а второй тоже, крепкий такой, только не боксер. В рубашке такой, джинсовой и в брюках, тоже джинсах. Голубых, – быстро ответил Тотошка, – Только ты за ними не ходи. Не нужно...

– До утра я вернусь, – сказал Михаил, повернулся и упругим шагом двинулся вверх по крутому склону оврага.

– Второго, вроде, Димычем боксер звал, – крикнул вдогонку Тотошка.

– Чего улыбаешься, идиот старый? – подала, наконец, голос Ирина.

– Чего-чего, может, все еще и нормально получится. Вон как Михаил кинулся.

– Что получится? Что он им сделает? Все вы, мужики, не головой думаете...

– А чем? – съехидничал Тотошка.

– Чем попало. Иди, лучше, скажи всем, чтобы до утра подождали собираться.

– Думаешь, у него что-нибудь получится?

– Не знаю. – Ирина тяжело вздохнула, – Ты его глаза разглядел?

– Глаза как глаза. А чего?

– Ничего. Страшные у него были глаза. Неживые.

– Придумаешь тоже, – оборвал сожительницу Тотошка и двинулся предупреждать всех.

«Страшные глаза» – Тотошка хмыкнул, придумает старуха. Однако обычно Ирина в людях не ошибалась. Тотошка покачал головой. И что оно будет?

Глава 4.

Ты должен закрепиться. Сразу, без промедления и пауз. Это должно стать твоим безусловным рефлексом. Закрепиться и создать базу. Создать базу и установить связи. Как колючки репейника, связи удержат тебя на выбранном тобой месте. Закрепиться, создать базу и наладить связи.

Быстро, но аккуратно. Твои связи не должны выглядеть системой ни для кого, кроме тебя. Твоя база не должна выглядеть чем-то инородным в окружающей тебя обстановке. Ты не должен ее создавать, это неминуемо привлечет к тебе внимание. Ты должен сложить свою базу из элементов окружающей тебя действительности. Не передвигай эти элементы, просто совмести их.

Не стремись к слишком высокому уровню, твоя база и твои связи должны минимально соответствовать твоим потребностям и уровню твоего задания. Если нет задания – они должны соответствовать уровню выживания. И именно на том уровне, который тебе в данный момент кажется наиболее безопасным.

База, связи и разведка. Недостаток информации погубит тебя. Переход с одного уровня материальной обеспеченности должен следовать только после перехода с одного уровня информированности на другой.

Твоя база – это твоя самая лучшая защита и маскировка. Одновременно она же и самое уязвимое твое место. Удар по базе ты должен отражать в первую очередь. При этом удар для стороннего наблюдателя должен исходить не от тебя. Иначе ты выдашь свое местоположение, и тебе придется либо начинать активные боевые действия, либо создавать новую базу.

Лучшая защита – неожиданный удар с неожиданного направления.

Глыба и Димыч двигались не торопясь. Глыбу переполняло чувство победы, Димыч твердо знал свое расписание на сегодняшний вечер, поэтому необходимости спешить не видел.

Он спокойно выслушал два раза подряд пересказ событий в Норе, свидетелем которых был и сам, не отреагировал никак на то, что количество вырубленных бомжей во втором рассказе значительно отличалось от количества в первом и уж совсем не походило на то, которое было на самом деле. Глыба тренировался, репетировал свои рассказы приятелям и девочкам, Димыч не собирался ему в этом мешать.

Более того, он был готов подтвердить любую бешенную историю Глыбы. Для кого угодно, исключая, конечно, самого Геннадия Федоровича.

3.Площадка перед домом. День.

– Денек-то сегодня какой! – сказал Гринчук, выходя из машины напротив клуба.

– Какой? – спросил водитель.

– Хреновый, если вдуматься, – сказал Гринчук. – В такой день даже помирать муторно.

И с самого утра настроение кого-нибудь грохнуть.

– Юрка!

Гринчук оглянулся на голос отца Варфоломея.

Священник сидел на скамейке возле одного из домов в отдалении. Помахал рукой Гринчуку, подзывая.

– Здравствуйте, батюшка, – сказал Гринчук, усаживаясь на скамейку возле священника. – Можно, руку целовать не буду?

Священник был в «штатском», только на груди, под пиджаком, висел массивный крест на цепи.

– Дам я тебе руку слюнявить, – буркнул отец Варфоломей.

– Ну, и слава богу, – облегченно выдохнул Гринчук. – И так день хреновый, а тут еще и руки мужикам целовать. Вы, кстати, чего здесь устроились? Решаете, куда пойти? Двинуться исповедовать бомжей в Нору, или просаживать деньги паствы в клубе?

Отец Варфоломей покосился на капитана:

– Я бы сейчас тебе врезал по морде твоей бесстыжей, да у меня к тебе есть дело.

– Я не хочу есть дело, – сказал Гринчук, – я хочу есть жареное мясо.

– Ты можешь без своих шуточек? – спросил священник.

– Могу, а то еще пошлете меня к чертовой матери, и не ведать мне жизни вечной...

– К матери чертовой я тебя не пошлю, а вот к самому Черту сходить попрошу. Сходишь?

4.Площадка перед клубом. День.

Из парка вышли Димыч и Глыба. Они прошли через бывшую автостоянку поднялись на крыльцо. Глыба оглянулся, заметил выезжающего из парка велосипедиста, сплюнул и вошел в клуб.

Из парка вышел Михаил, прошел, не торопясь, вдоль домов, выбирая место для наблюдения за клубом.

Остановился возле заколоченного киоска, с другой стороны которого на скамейке сидели отец Варфоломей и Гринчук.

5. Вестибюль клуба. День.

- Ну, это, – спросил у охранника в вестибюле Глыба, – мне нужно Самому доложить.
- Он в казино пошел, к рулетке, – сказал охранник. – Рулетку пробует новую.
- Глыба прошел через вестибюль, остановился, поджидая Димыча.
- Ты, это...
- Что? – усмехнулся Димыч.
- Не нужно Гире про... – Глыба покрутил в воздухе руками, словно вращая педали.
- За стукача меня держишь? – улыбка Димыча стала угрожающей.
- Ты чего, Димыч? Я просто...
- Вот и будь попроще, – сказал Димыч, – у тебя это хорошо получается.
- Глыба остановился перед входом в казино. Потоптался перед дверью. Поежился.
- Сквознячком потянуло? – спросил тихо Димыч.
- Шуточки у тебя... – сказал Глыба и вошел в зал.

6. Площадка перед домом. День.

– Шутки у вас, батюшка! – покачал головой Гринчук.

– Не шутки это, Юра, – священник тяжело вздохнул. – Ты про Саню Черта слышал?

– Саня Черт, он же Александр Чертынин, руководит группой малолеток, именующих себя, соответственно, чертями и ведьмами, – дежурным голосом сказал Гринчук. – Обитают в районе Лесопрака, тусуются чаще всего в районе вокзала. Мне на вокзал не нужно.

Отец Варфоломей покачал головой.

– Хреново работаете, гражданин капитан. Саня Черт уже дня три обитает вот в этом вот доме.

Гринчук оглянулся на дом. Возле дальнего подъезда маячил паренек.

– Дом номер пять, – задумчиво сказал Гринчук. – Вход в подвал в четвертом подъезде. Говорил я участковому, чтобы следил за этим подвальчиком. А мальчик, я полагаю, на стреме стоит.

Священник снова тяжело вздохнул.

– Так это, значит, вы меня к этому Черту отправить собрались, батюшка? И что ж вас, отец Варфоломей, подвигло стучать правоохранительным органам?

– Юрка! – священник задохнулся от злости.

– А как это еще называть, батюшка? – осведомился Гринчук. – Есть представитель правоохранительных органов, и есть гражданин, информирующий это официальное лицо, что обычно принято называть именно стукачеством.

– Мне не до смеху, Юра. Я к тебе неофициально, – священник вынул из кармана пиджака носовой платок и вытер лицо. – Тебя ко мне сам бог послал. Я тут уже почти час сижу.

– Ладно, батюшка, – Гринчук потер лицо руками. – Хреновый день. Просто никакой... Что там у вас неофициального?

– Пацан один проиграл ему деньги.

– Бывает, – кивнул Гринчук.

– Большие деньги проиграл, – сказал отец Варфоломей. – Такие и представить себе трудно...

– И где ж он их взял?

– Он их не взял, он их проиграл. Теперь уже три дня домой не приходит. Черт придумал рабство. Или перо в бок...

– Во, батя, по фене ботаем, – изумился Гринчук. – И вы пришли Саню Черта просить отменить рабство? И отпустить раба к маме? Так?

– Он у нее один. Она уже три дня сама не своя. Чуть не в петлю лезет – отец Варфоломей потерял цепь креста. – Грех это.

– Не повезло, вам, батюшка... – протянул Гринчук задумчиво, – официально я не могу предпринять никаких мер. Нету заявления. И пацан ваш молчать будет, как рыба об лед. Если я даже сейчас ксиву Черту в рожу суну, то завтра ваш игруля снова к нему вернется. Такие вот пироги...

Возле подъезда остановилась машина.

Парень подошел к ней, оглянулся, вынул из кармана пакетик и сунул его в приоткрытое окно машины. Получил деньги и спрятал их в карман. Машина уехала. Парень еще раз оглянулся, подошел к подвальному окну и бросил деньги в трубу, выходящую из подвального окна. Танцующей походкой вернулся на пост.

– Да, – сказал Гринчук, – мне еще новых торговцев наркотой на участке не хватало. Не поверите, батюшка, как быстро взрослеет всякое дерьмо в нынешнем мире. Вчера еще стекла

из рогатки бил, а сегодня норовит из гранатомета шандарахнуть. И вместо леденцов дурь в карманах таскает. Ладно, – Гринчук встал со скамейки и потянулся. – Скучно мне с вами.

– Юра, – просительно сказал священник.

– Во все времена беседы со священниками навевали на оперов скуку. Другое дело – сыграть. В картишки там перекинуться, шары погонять... Пойду и я развлекусь. Люблю честную игру.

7.Казино. День.

– Люблю честную игру, – громогласно заявил Гиря, когда Глыба и Димыч вошли в зал. Четверо охранников осторожно тащили игровой стол, какой-то парень что-то монтировал на полу, подняв кусок коврового покрытия, а сам Гиря восседал в самом центре суеты и с неподдельным интересом наблюдал за процессом. Внимания на подошедшего Глыбу шеф не обратил.

Глыба потоптался, потом кашлянул, потом осторожно постучал по спинке стула.

– Чего?

– Я из оврага...

– Живой?

– В ажуре.

– Договорился?

– Ага.

Кусок покрытия опустили на пол, аккуратно смазав края клеем. Игровой стол поставили сверху.

– Ничего не напартачил? – спросил Гиря, не оборачиваясь.

– Не, пришлось только одному дать в дыню, а так – все поняли и обещали свалить. Я завтра зайду, проверю.

– Зайди и проверь. Это твоя проблема. Если они оттуда не уйдут, с тебя спрошу.

– Да я что? Я ничего. Я все, как надо... Вон, у Димыча спросите.

Гиря встал со стула и подошел к столу:

– Что, Глыба, может, сыграем в рулетку?

Глыба помялся.

– Как знаешь, – Гиря засмеялся и бросил на стол мятую купюру. – Давай поставим с тобой на цифру три. Нина, у тебя рука легкая?

Нина, стоявшая за спиной шефа, подошла к столу, крутанула сверкающее никелем колесо и аккуратно, по деревянному бортику запустил шарик.

Сделав несколько оборотов, шарик послушно лег в лунку с цифрой три.

– А теперь – двадцать пять, – сказал Гиря.

Рулетка выдала двадцать пять.

– А «зеро» слабо?

«Зеро» тоже оказалось не слабо.

– Люблю честную игру, – довольным голосом сказал Гиря и забрал свои деньги со стола.

– Пошли, Димыч, поговорим за пивком, – Гиря, не оглядываясь, двинулся к бару. – Я такой азартный человек.

8. Площадка перед домом. День.

– Я такой азартный человек, – сказал Гринчук. – Когда я слышу, что где-то играют покрупному, то просто не могу удержаться. Забываю все и лечу на зов порока.

Гринчук похлопал себя по карманам. Достал пистолет. Покрутил в руке, потом протянул его священнику.

– Подержите, чтобы я от азарта не проиграл еще и штатное оружие.

– Ты чего, Юрка...

– И еще удостоверение, – Гринчук сунул священнику удостоверение.

– Ты чего, к ним пойдешь без ствола?

– Во-первых, отец Варфоломей, настоящие крутые пацаны в американских фильмах, перед дракой отдают оружие и значки. Иначе какие же они крутые? А, во-вторых, такие выражения в устах служителя культа...

Отец Варфоломей спрятал пистолет и документы в карманы пиджака.

– Тебя же там... – начал священник.

– Вот именно, – кивнул Гринчук. – Если кто-нибудь из них схватится за нож? Я ж его с горяча и пристрелить могу. А у Черта в коdle полно несовершеннолетних. Хрен я потом отмажусь, если малолетку пристрелю.

Гринчук посмотрел на парня у подъезда.

– Если имеешь дело с такими, лучше уж пусть они меня, – Гринчук вытащил из кармана пистолет Егорова и тоже протянул священнику. – Рассеянным становлюсь, чуть не забыл. Вот если бы вы мне свой крестик одолжили, я бы им как кистенем нечисть бы погонял. Шучу, – быстро добавил Гринчук, – я пошел. Если через десять минут не выйду – рассчитываю на скидку при отпевании. Лады?

– Типун тебе на язык, – бросил священник.

– Я тоже вас люблю, батюшка, – Гринчук помахал священнику рукой и пошел к парню возле подъезда. – Жить нужно так, капитан Гринчук, чтобы никто не смог бы сказать, что ты облажался.

9.Казино. Вечер.

- Он там не облажался? – спросил Гирия, усаживаясь на табурет у стойки.
- Все нормально. Как и рассказывал.
- Это хорошо. Пивка, водочки?
- Мне сегодня еще работать, – сказал Димыч.
- Помнишь... – удовлетворенно сказал Геннадий Федорович и взял у подошедшего бармена запотевший стакан.
- Бармен поставил перед шефом блюдо с закуской и отошел в сторону.
- Значит, Винтика нужно уволить, – сказал Геннадий Федорович и отпил из стакана. Водку он пил небольшими глотками, смакуя.
- Ему звонили, попросили подготовить для нас одну штуку, грамм так на двести пятьдесят с часовым механизмом. Ждать он тебя будет...
- Меня? – Димыч удивленно приподнял брови.
- Ну, не тебя, а кого-нибудь от меня. Вон, хоть того же Глыбу. Подойдет?
- Подойдет. Только вы тогда ему скажите, чтоб он сам машину вывел, а меня пусть подберет возле метро.
- Хитришь? – Геннадий Федорович прищурился и снова отпил из стакана.
- Хитрю, – кивнул Димыч.
- Ладно. Потом куда?
- К приятелям, дня на три-четыре. Не возражаете?
- Ни Боже мой! Отдыхай. Глыбе тоже посоветуй, хотя, не надо, ему завтра работать с бомжами. Я его завтра отпущу.
- Через сколько нас будет ждать Винтик?
- Через полтора часа. Успеете похавать и доехать.
- Я не голодный.
- Тогда позови Глыбу, я сам ему все расскажу.
- Димыч кивнул, подошел к столу, возле которого восторженный Глыба наблюдал, как шарик ложится на тот номер, который ему заказывают:
- Тебя к шефу.
- Ага, – Глыба застегнул зачем-то верхнюю пуговицу на рубашке и пошел к бару.
- Димыч понаблюдал как Геннадий Федорович инструктировал Глыбу, поймал на себе два или три косых взгляда Глыбы, потом Глыба кивнул утвердительно раз. Потом еще раз. Потом посмотрел на Димыча, и теперь кивнул уже Димыч.
- Глыба вздохнул и поплелся в сторону ресторана, обедать.

10.Площадка перед домом. Вечер. Взглядом Михаила.

Гринчук прошел уверенным шагом к подъезду, что-то сказал парню. Тот опустил голову, разглядывая молнию на брюках. Гринчук быстро взбежал по ступенькам крыльца и скрылся в подъезде.

Парень рассмотрел, что молния на брюках цела. Обернулся к двери и бросился в подъезд.
– Ты куда, мудак?

Михаил прошел мимо священника. Тот сжал крест в правой руке и что-то бесшумно шептал. Отец Варфоломей поднял взгляд на Михаила, тот быстро отвернулся и прошел к подъезду.

11. Подъезд дома. Вечер.

– Тебя куда несет? – парень влетел в подъезд и натолкнулся на поджидающего его Гринчука.

– Если я скажу, что пришел подышать свежим воздухом, ты согласишься?

– Чего? – ошарашено уставился на Гринчука парень.

– Я так и думал. Пробуем еще раз. Я пришел за наркотой?

– Чего? – парень попятился и сунул руку в карман брюк.

– Не похож? – удивленно улыбнулся Гринчук. – Ты еще перо из кармана достань.

Парень вынул руку из кармана. Щелкнуло, появляясь, лезвие.

– Вот так бы и давно, – удовлетворенно протянул Гринчук и отобрал нож у парня. Припечатал его левой рукой к двери, взмахнул ножом и ударил.

12. Крыльцо Клуба. Вечер.

Димыч вышел на крыльцо. Там двое охранников обсуждали последние события и ужасно веселились.

- Слышал анекдот? – спросил один из охранников. – О красной шапочке.
- В прошлом году, – сказал Димыч.
- Классный анекдот, – сказал другой охранник.
- Так себе... – пробормотал Димыч, – глянул на часы и заторопился, – все, пока, я уезжаю дня на три-четыре. Шеф отпустил отдохнуть.
- Счастливый, – позавидовал один из охранников.
- Счастливый, – согласился Димыч.
- Ты чего – пешком?
- На электричке, как аристократ.
- А, ну, давай, привет семье.

13.Площадка перед домом. Вечер.

Михаил остановился возле входа в подъезд, посмотрел в приоткрытую дверь. Поднялся на первую ступеньку. Обернулся и увидел, как Димыч идет от клуба в сторону метро.

Михаил еще раз оглянулся на подъезд. Перевел взгляд на номер дома.

Из подъезда слышался то ли стон, то ли всхлип.

Михаил пошел вслед за Димычем, по другой стороне улицы.

14.Подъезд. Вечер.

Парень скулил, пытаясь вытащить нож, который воткнулся сквозь кольцо его серьги в дверь. Нож не поддавался, парень стоял на цыпочках. В луже.

15. Подвал. Вечер.

Дверь с грохотом влетела в подвал. Гринчук быстро прошел во внутрь и сел к столу.

Четверо чертей, сидевших возле стены, вскочили.

Саня Черт, сидевший за столом, откинулся на спинку стула и посмотрел на капитана. На столе перед ним стояли стаканы, бутылка. Лежало несколько пакетиков с белым порошком. Деньги и колода карт.

В углу комнаты, на тряпке, лежал молодой паренек, в ошейнике и наморднике.

– Значит так, – сказал Гринчук. – Времени у меня мало и настроение хреновое. Ваши рожи мне не нравятся, пахнет тут у вас дерьмово и меня от вас всех тошнит.

– Ты... Ты чего... – сказал кто-то из чертей. – Да я тебя...

– Пасть закрой, – бросил Саня Черт и наклонился к столу, чтобы рассмотреть Гринчука. – Ты что, мужик, бессмертный?

– Да, а еще я слепой. И не вижу наркоты, которую вы так нагло оставили на столе. И у меня настолько плохая память, что я забуду, как видел незаконный акт продажи наркотических веществ возле подъезда.

– И еще ты безголовый, – сказал Черт, и в руке его появился нож.

– И еще я очень не люблю, когда людей превращают в рабов, – Гринчук взял со стола колоду карт и принялся ее тасовать.

Паренек в ошейнике всхлипнул.

– А, – засмеялся Черт, – ты хочешь вернуть это дерьмо мамочке. Принес бабки?

Гринчук лениво перекидывал карты в руке, уронил несколько штук, неловко стал собирать их в колоду.

– Что, нету бабок? Тогда у меня будет раб.

– Какого, извини, черта, он вообще стал рабом? – спросил Гринчук.

– Нет денег – нет свободы, – засмеялся Черт, и его смех подхватили черти.

– Не давши слова – крепись, а давши – держись, – констатировал Гринчук, снова выронив несколько карт на стол.

– Типа, – кивнул Черт.

– А если я предложу тебе сейчас сыграть на него? – спросил Гринчук.

– На ту сумму, что он мне торчит?

– На равноценную. Выиграю я – у тебя нет раба.

– А выиграю я, – подхватил Черт, – и у меня два раба? Так? Я даже согласен, на крайняк, на одного живого и на другогодохлого. Идет?

Гринчук огляделся. Все черти в комнате извлекли кто нож, кто опасную бритву.

– И выбора у меня, как я понимаю, уже нет? – спросил Гринчук, снова собирая колоду.

– Нет, – усмехнулся Черт.

– Тогда давайте по-быстрому, – сказал Гринчук, – мне уже здесь надоело. Тащим по одной карте из колоды. Большая – выигрывает. Только ты держишь слово, рогатый?

Черт потянулся через стол и взял из рук Гринчука колоду карт. Протянул одному из чертей:

– Потасуй, Гад.

Гад взял колоду карт, быстро перетасовал и протянул колоду Черту.

– Пусть фраер начинает первым, – сказал Черт.

Гринчук протянул руку к колоде, дотронулся до верхней карты, рука замерла.

– Сдвинь, – сказал Гринчук.

Гад засмеялся.

– Не дергайся, фраер, – сказал Черт.

Гринчук сдвинул несколько карт, взял карту, быстро взглянул и бросил на стол рубашкой вниз.

– Дай мне верхнюю, – сказал Черт.

Гад взял верхнюю карту с верха колоды. Бросил на стол. Король.

Гринчук сплюнул.

– У тебя проблемы? – засмеялся Черт.

– Фигня все это, – чуть дрогнувшим голосом сказал Гринчук. – Пойду я, пожалуй.

– Ни хрена... – Черт пришил ножом карту Гринчука к столу. – За базар нужно отвечать. Мужики слово держат

– Делать мне нечего, из-за чужого засранца свою голову подставлять... – Гринчук попытался встать из-за стола, но двое чертей надавили ему на плечи и удержали на стуле.

– Это теперь ты полный засранец, – снова засмеялся Черт.

– И ты хочешь сказать, что если бы выиграл я, то...

– Конечно, нужно быть последним козлом, чтобы зажать карточный выигрыш, – Черт посмотрел на чертей, те закивали.

– Суку, зажавшую проигрыш, опустить мало, блин, – сказал Гад.

– Опустить, – подтвердил еще один черт.

16.Площадка возле метро. Вечер.

Димыч остановился возле рекламы каких-то сигарет и снова посмотрел на часы.
С площадки возле овощного магазина медленно подъехала «жигуленок-шестерка».
– Далеко? – спросил водитель.
– Своего жду, – ответил Димыч.
– Извини, – таксист-частник сдал машину назад.
Димыч прошел к летнему кафе, сел за столик.
К нему подошел официант, и Димыч сделал заказ.
Михаил постоял чуть в стороне, взглянул на часы и быстро пошел в сторону клуба.

17.Подвал. Вечер.

- Значит, опустить, – протянул Гринчук.
- Тебя как, мужик, с вазелином или без? – осклабился Гад.
- Опустить, значит, – снова повторил Гринчук.
- И протянул руку к столу.
- Ты что, козел? – вцепились в него черти.
- Нож уберите, – сказал Гринчук, не пытаясь вырваться, – гляньте на карту.
- Один из чертей рванул карту, располозовав ее лезвием ножа почти на двое. Глянул.
- Твою мать... – протянул он.
- Карта упала на стол.
- Туз червей. Разрез начинался с середины сердца.
- Так что, – спросил Гринчук, – кто проигрыш зажмет, станет петухом?
- Один из чертей откашлялся.
- Черт посмотрел на своих подчиненных. Перевел взгляд на раба.
- Саня... – пробормотал один из чертей.
- Пусть идет, – сказал Черт. – И сучка этого пусть забирает.

18.Площадка перед домом. Вечер.

Михаил подошел к дому, остановился за углом, наблюдая одновременно за клубом и подъездом.

19.Подъезд. Вечер.

Парень наконец вынул из уха серьгу и отцепился от ножа, застонал, переступая с ноги на ногу и стряхивая капли с ноги.

Дверь из подвала неожиданно распахнулась, Гринчук подтолкнул к выходу раба, который торопливо стаскивал с шеи ошейник.

Увидев Гринчука, парень попятился к стене.

– Ухо целое? – спросил Гринчук, чуть задержавшись возле парня.

Гринчук вышел на улицу.

20.Площадка перед домом. Вечер. Взгляд Михаила.

Вначале из подъезда вылетел паренек, швырнул в сторону ошейник и на неверных ногах пошел к священнику, который встал со скамейки и бросился к нему навстречу.

Потом из подъезда вышел Гринчук. Огляделся.

Михаил отступил за угол.

Гринчук пошел к отцу Варфоломею. Михаил скользнул по ступенькам крыльца, вошел в подъезд.

21.Подъезд. Вечер.

– Чего... – обернулся к нему парень, засипел и сполз спиной по стене на пол.
Михаил вбежал в подвал.

22.Площадка перед домом. Вечер.

Гринчук подошел к отцу Варфоломею.

– Спасибо тебе, Юра, – сказал священник.

– Ага, – кивнул Гринчук.

– Благодарю человека, – приказал отец Варфоломей освобожденному рабу.

Тот что-то начал бормотать. Совершенно невнятно.

Священник полез в карманы и извлек два пистолета:

– Вот, забирай.

– Еще минуточку, – попросил Гринчук. – Так приятно чувствовать себя неофициальным лицом.

– Они же вас могли... – выдавил, наконец, освобожденный.

– Опустить? – усмехнулся Гринчук.

Капитан полез в карман брюк, извлек три карты.

Паренек покрутил в руках карты. Три туза.

– Это теперь твои счастливые карты, пацан. Запомнил?

Паренек кивнул.

Гринчук вздохнул и врезал ему в лицо:

– А это, чтобы помнил лучше.

Парень прокатился по асфальту.

– А вот теперь – отдавайте, батюшка, стволы и ксиву.

23.Подъезд. Вечер.

Парень лежал лицом в луже. Открыл глаза. Попытался встать. Открылась дверь и мимо него прошел Михаил. Парень торопливо закрыл глаза и плюхнулся лицом в лужу.

24.Площадка переддомом. Вечер.

Михаил быстро сбежал по ступенькам крыльца. Посмотрел на Гринчука. Тот как раз смотрел в его сторону. Их взгляды встретились. Гринчук отвернулся. Потом быстро взглянул, но Михаила уже не было.

25.Подвал. Вечер.

Темнота. Медленно открылась дверь, и в подвал вошел парень из подъезда. Нашарил выключатель возле двери. Включилась лампа над столом.

Комната была разгромлена. Черти лежали среди обломков мебели и осколков посуды. Гад пытался встать, тяжело дыша, но руки не держали.

Саня Черт закашлялся, встал на четвереньки. Помотал головой.

– Кто это был? – спросил парень из подъезда.

– Не... видели... – прохрипел Гад. – Погас... свет, а потом... началось...

– Бабки... – простонал Саня Черт.

– Нету, – посмотрев на пол, сказал Гад. – Порошок есть, а бабок нет.

– Унес, сука... – сказал Саня Черт.

– Я вот что скажу... – еще один черт сел на полу, спиной к стене.

– Что? – спросил Саня.

– Сваливать отсюда нужно. Хреновое тут место.

26. Площадка перед метро. Вечер.

Димыч допил кофе.

Михаил подошел к метро, огляделся. Подошел к такси:

– Свободен?

– Обязательно, – оживился таксист, – где ехать?

– Мы вначале подождем, ко мне человек должен подойти.

– Ну...

– Считай, счетчик уже включен, – успокоил Михаил, – тут, понимаешь, как получится, сможет она... Ну, человек сможет выйти, или я поеду к другой... му.

– Ты, брат, ходок, – одобрительно засмеялся водитель. – Блондинка, брюнетка?

– Шатенка крашенная.

– Дело вкуса, – сказал водитель.

27. Площадка перед домом. Вечер.

Гринчук подошел к таксофону, сунул карточку, набрал номер.

– Але, – сказал Гринчук.

– Юрка, ты с ума сошел?

– Нет, но делаю все возможное.

– Пулей в отдел.

– Ухорыл обыскался, – предположил Гринчук.

– И начальник, между прочим, тоже. И ты знаешь, что случилось с Егоровым?

Гринчук поправил за поясом пистолет Егорова:

– А что, с ним что-то случилось?

– Напился, подрался, потерял ствол и удостоверение...

– Ну, положим, ствол он не терял, ствол у меня. Я забрал, чтобы Валька не посеял.

– С ума сошел? Тебя же...

– Перетопчусь. Я тут приехал в клуб, наконец.

– А теперь езжай сюда. И это уже не шутки. Тебя могут выпереть из органов.

– Сумлеваюсь, – улыбнулся Гринчук. – Мне всего несколько месяцев осталось до пенсии.

– Можешь не дотянуть, капитан. Срочно сюда.

– Уболтал, милый. Еду.

Гринчук повесил трубку. Постоял, рассматривая таксофон. Прошел вдоль домов к метро.

* * *

Глыба остановился возле входа в здание клуба, перебрался парой слов с охранником и, зацепившись за дежурное «Как дела?», стал сочно и в подробностях излагать свою схватку с Крысами. Димыч выждал пару минут, потом тихо, так, чтобы не услышал охранник, напомнил Глыбе, что ему было приказано все решить с Крысами тихо, и, если такая вот редакция всего произошедшего дойдет до ушей Геннадия Федоровича, то у самого Глыбы внешность будет не чуть не красивее, чем у того бомжа в овраге.

– Ну, это, – осекся на половине фразы Глыба, – мне тут с тобой некогда трепаться, мне нужно Самому доложить.

– Он в казино пошел, к рулетке, – сказал охранник, легко смирившись с тем, что не дослушает рассказа боксера. Трепу Глыбы уже никто давно не верил.

Глыба вошел в вестибюль, максимально аккуратно обошел группу дизайнеров, которых, на этот раз, выгнали из зала казино. Дизайнеры нервно курили, не забывая переругиваться по поводу оформления внутренних офисов клуба.

Димыч догнал Глыбу в самом конце вестибюля, возле раздевалки.

– Как тебе эти художницы? – спросил Глыба.

Димыч оглянулся на дизайнеров, сделал вид, что рассматривает трех дам-художниц и пожал плечами. Он знал, какую именно реакцию хотел получить от него Глыба, и не стал того разочаровывать.

– Во-во, – громогласно сказал Глыба, – ни сиськи, ни письки... Хрен их друг от друга отличишь. Что мужики, что бабы...

Самому Глыбе нравились женщины рельефные и монументальные. Длиной ног и талией его очаровать было невозможно, а вот бюстом и задом...

В обслуживании клуба, к сожалению, подобных красавиц не было, что вызывало у Глыбы чувство недовольства судьбой. Впрочем, свет на клубе клином не сошелся. Ночь Глыба собирался

провести у своей старой приятельницы, по антропометрическим данным почти приблизившейся к идеалу.

В казино было не то чтобы шумно илюдно, но как-то суетно.

Четверо охранников осторожно тащили игровой стол, какой-то парень что-то монтировал на полу, подняв кусок бельгийского коврового покрытия, а сам Геннадий Федорович восседал в самом центре суеты и с неподдельным интересом наблюдал за процессом. Внимания на подошедшего Глыбу шеф не обратил.

Глыба потоптался, потом кашлянул, потом осторожно постучал по спинке стула.

– Чего?

– Я из оврага...

– Живой?

– В ажуре.

– Договорился?

– Ага.

Кусок покрытия опустили на пол, аккуратно смазав края клеем. Игровой стол поставили сверху.

– Ничего не напартачил? – спросил Геннадий Федорович, не оборачиваясь.

– Не, пришлось только одному дать в дыню, а так – все поняли и обещали свалить. Я завтра зайду, проверю.

– Зайди и проверь. Это твоя проблема. Если они оттуда не уйдут, с тебя спрошу.

– Да я что? Я ничего. Я все, как надо... Вон, у Димыча спросите.

Откуда-то из подсобки появился крупье, по случаю ремонта одетый не в жилетку с бабочкой, а в спортивный костюм.

Геннадий Федорович встал со стула и подошел к столу:

– Что, Глыба, может, сыграем в рулетку?

Глыба помялся. В карты, или там, в нарды, он с удовольствием сыграл бы. А в рулетку...

– Как знаешь, – Геннадий Федорович засмеялся и бросил на стол мятую купюру. – Давай поставим с тобой на цифру три.

Крупье кивнул, крутанул сверкающее никелем колесо и аккуратно, по деревянному бортику запустил шарик.

Сделав несколько оборотов, шарик послушно лег в лунку с цифрой три.

– А теперь – двадцать пять, – сказал Геннадий Федорович.

Рулетка выдала двадцать пять.

– А «зеро» слабо?

«Зеро» тоже оказалось не слабо.

– Люблю честную игру, – довольным голосом сказал Геннадий Федорович и забрал свои деньги со стола.

– Пошли, Димыч, поговорим за пивком, – Геннадий Федорович, не оглядываясь, двинулся к бару.

Следом за ним прошел Димыч.

– Ничего там не напорол Глыба? – спросил Геннадий Федорович, усаживаясь на табурет у стойки.

– Все нормально. Как и рассказывал.

– Это хорошо. Пивка, водочки?

– Мне сегодня еще работать, – сказал Димыч.

– Помнишь... – удовлетворенно сказал Геннадий Федорович и взял у подошедшего бармена запотевший стакан.

Бармен поставил перед шефом блюдо с закуской и отошел в сторону, чтобы, на всякий случай, не слышать разговора.

– Значит, Винтика нужно уволить, – сказал Геннадий Федорович и отпил из стакана. Водку он пил именно так, небольшими глотками, смакуя, чем неоднократно вызывал у собутыльников отрицательную реакцию.

– Ему звонили, попросили подготовить для нас одну штуку, грамм так на двести пятьдесят с часовым механизмом. Ждать он тебя будет...

– Меня? – Димыч удивленно приподнял брови.

– Ну, не тебя, а кого-нибудь от меня. Вон, хоть того же Глыбу. Подойдет?

– Подойдет. Только вы тогда ему скажите, чтоб он сам машину вывел, а меня пусть подберет возле метро.

– Хитришь? – Геннадий Федорович прищурился и снова отпил из стакана.

– Хитрю, – кивнул Димыч.

– Ладно. Потом куда?

– К приятелям, дня на три-четыре. Не возражаете?

– Ни Боже мой! Отдыхай. Глыбе тоже посоветуй, хотя, не надо, ему завтра работать с бомжами. Я его завтра отпущу.

– Через сколько нас будет ждать Винтик?

– Через полтора часа. Успеете похавать и доехать.

– Я не голодный.

– Тогда позови Глыбу, я сам ему все расскажу. Возле метро тебя забирать?

– Да, слева, под рекламой.

Димыч кивнул, подошел к столу, возле которого восторженный Глыба наблюдал, как шарик ложится на тот номер, который ему заказывают:

– Тебя к шефу.

– Ага, – Глыба застегнул зачем-то верхнюю пуговицу на рубашке и пошел к бару.

Димыч понаблюдав как Геннадий Федорович инструктировал Глыбу, поймал на себе два или три косых взгляда Глыбы, потом Глыба кивнул утвердительно раз. Потом еще раз. Потом посмотрел на Димыча, и теперь кивнул уже Димыч.

Глыба вздохнул и поплелся в сторону ресторана, обедать. Димыч вышел на крыльцо. Там двое охранников обсуждали последние события и ужасно веселились. Было с чего.

Кто-то кинул весь лоходром. И сделал это самым простым и изящным способом. На чем бы конкретно не разводили пацаны лохов, на наперстках, картах, рулетке или лотерее, все деньги, перешедшие из рук лохов в руки специалистов, не оседали в карманах катал, а через шестерок передавались стоявшему в стороне кассиру.

Хотя милицейские налеты на лоходром стали уже давно редкостью, а о внеплановых неожиданных проверках всех обычно предупреждали дня за два, обряд, на всякий случай, выполнялся строго. Бабки должны быть у кассира.

Функции кассира выполнял человек доверенный и опытный. К концу дня денег у него накапливалось изрядно. Движение на лоходроме всегда было оживленным, сегодня погода была хорошая, и лох клевал неплохо. Однако, когда шестерка в очередной раз принес банкиру деньги, тот вдруг начал суетливо шарить по карманам, материться и нервничать.

Шестерка сообщил об этом остальным. Остальные поинтересовались у кассира, а почему это он нервничает, а тот им как раз и сообщил, что касса, неплохая касса за весь день, у него куда-то пропала. Осталось то, что вот только что принесли.

Другому бы не поверили, но кассира знали хорошо, и врать он бы не стал. Тем более, что так кидать своих не просто глупо, но и опасно.

Кидалы привлекли к разговору карманников, дежуривших возле станции метро. Те клялись и божились, зуб давали и готовы были землю есть. Не они.

По всему выходило, что кассира опустил кто-то заезжий, и сделал это легко, словно играючи. Охранники смеялись, Димыч тоже улыбнулся. Такое действительно случалось не каждый день.

– Много у него взяли? – спросил Димыч.

– Все. За весь день. С рулетки и с лотереи. Ну и остальное. Жирный кусок. И что самое прикольное, Кузьма божится, что никто к нему и не подходил. И чужих никто не видел. Нужно было же этому гаду выпасти Кузьму и почистить ему карманы... Мастер, видать, на гастроли приехал.

– Или кто-то из своих подсуетился... – сказал Димыч, глянул на часы и заторопился, – все, пока, я уезжаю дня на три-четыре. Шеф отпустил отдохнуть.

– Счастливый, – позавидовал один из охранников.

– Счастливый, – согласился Димыч.

– Ты чего – пешком?

– На метро, как аристократы.

– А, ну давай, привет там Кузьме.

Димыч подошел к лоходрому, поискал глазами Кузьму. Того не было. С горя решил выпить и отдохнуть.

Темнело, Димыч остановился возле рекламы каких-то сигарет и снова посмотрел на часы. Пора бы уже и Глыбе подъехать.

С площадки возле овощного магазина медленно подъехала «жигуленок – шестерка».

– Куда? – спросил водитель.

– Своего жду, – ответил Димыч.

– Извини, – таксист-частник сдал машину назад. Не повезло.

Он приготовился ждать и дальше, но тут к машине подошел парень:

– Свободен?

– Обязательно, – оживился таксист, – где ехать?

Слово «куда» он, как полагается, не употреблял в вопросах. Некоторые клиенты обижались, когда из «закудыкивали».

– Мы вначале подождем, ко мне человек должен подойти.

– Ну...

– Считай, счетчик уже включен, – успокоил клиент, – тут, понимаешь, как получится, сможет она... Ну, человек сможет выйти, или я поеду к другой... му.

– Ты, брат, ходок, – одобрительно засмеялся водитель. – Блондинка, брюнетка?

– Шатенка крашенная.

– Дело вкуса, – сказал водитель.

Глыба подогнал машину, затормозил возле рекламного щита и подождал, пока Димыч сядет на переднее сидение.

– Слышал про лохотром? – спросил Глыба, трогая машину с места, не обратив внимания на то, что «шестерка», не торопясь, двинулась следом.

– Слышал.

– Вот это лохонулись пацаны. Специалисты и профессионалы, мать их так.

– И на старуху бывает проруха.

– Дурака и в церкви бьют.

– Бьют, – согласился Димыч, – только ты не гони, нам неприятности с ментами сейчас ни к чему.

– Не учи ученого. Это ты меня с собой потащил?

– Я.

– А нафига? Я сегодня как раз собирался завалить к Маше. Она меня уже два дня зазывает, а мне все некогда.

- Успеешь. Мы быстро.
- Ага, чик и готово.
- Вот именно, – Димыч достал из кармана сигареты, предложил Глыбе, закурил сам.
- Ты его как мочить будешь? – спросил Глыба.
- Еще не решил.
- Не звезды! Ты все всегда готовишь заранее. Как? Да не бойсь, не сглазишь.
- Димыч поморщился, не любил он таких разговоров перед работой.
- Ну, правда, как? – не отставал Глыба.
- Зайду, поздороваюсь, стукну по голове аккуратно, потом возьму ту штуку, которую он приготовил для шефа, поставлю на несколько минут часики, и мы уедем.
- А на шум не сбегутся?
- Не сбегутся. Ты что, у него в подвале никогда не был?
- У Винтика? Нет.
- У него прямо из погреба проход прямо в старые церковные повалы. Когда в тридцатых сносили церковь, кирпич увезли, подвалы просто сверху засыпали. Там теперь можно хоть из пушек стрелять.
- Во дает! – восхитился Глыба, – а...
- Ты за дорогой смотри, водила.
- Да все нормально. Без паники. Отработаем сегодня, а завтра я шугану Крыс и свалю на несколько дней. Задолбался уже в городе. Жарко.
- Я тоже, – кивнул Димыч.
- А, это...
- Ну, что еще?
- Мне что делать? С тобой идти?
- В машине подождешь. С Винтиком я и сам справлюсь.
- С Винтиком? Да его соплей перешибить можно. Винтик... Чмо чаморошное!
- Ладно, о покойниках либо хорошо, либо ничего.
- Глыба засмеялся.
- Машина въехала в район, застроенный частными домами. Особняков здесь не было, дома, большей частью были построены еще в пятидесятые годы, хотя сохранились и довоенные.
- Здесь направо, – сказал Димыч.
- Знаю, направо, а потом до пустыря и налево.
- Димыч стал аккуратно разминать пальцы.
- Приехали, – Глыба заглушил мотор и оглянулся.
- Чего там? – спросил Димыч.
- Показалось, будто фары.
- Димыч тоже обернулся, но сзади, как и вокруг было темно и безжизненно.
- Лампы в уличные фонари в этих местах последний раз вкручивали весной в последний год советской власти. Окна в домах были плотно зашторены, либо закрыты ставнями.
- Хорошо, я пошел.
- Димыч открыл дверцу, салон на мгновение осветился, потом дверца машины хлопнула, и свет в салоне погас.
- Время пошло, – сам себе сказал Глыба. Он любил иногда выразится почти по-благородному. Такие фразы он черпал из фильмов и, очень редко, из газет.
- На баб такое, иногда, действовало не хуже выпивки.
- Из темноты, от дома, в котором только что скрылся Димыч, раздался негромкий свист.
- Черт! – вырвалось у Глыбы. Таки не справился Димыч сам, зовет.
- Глыба вынул ключи из замка, медленно вылез из машины, потянулся:
- Что там у тебя, Димыч?

Димыч ответил что-то невнятное.

– Чего? – Глыба подошел ближе, разглядел силуэт.

Ему даже в голову не пришло, что силуэт мало похож на фигуру Димыча.

– Чего случилось? – еще раз спросил Глыба, упал и потерял сознание.

В нокаут за свою карьеру он попадал редко. С одного удара – первый раз. Правда этот единственный удар был нанесен не совсем спортивно – штакетиной, поднятой неподалеку.

* * *

Димыч справился быстро. В доме, кроме Винтика, никто больше не жил.

Винтик провел Димыча в подвал, в котором размещалась мастерская. Димыч еще раз с уважением осмотрел мощные сводчатые перекрытия старого церковного подвала:

– Крепко строили.

– Еще как! Ты знаешь, как в прошлом веке, в самом конце прошлого века, проверяли кирпич при покупке? – Винтик отодвинул от стены шкаф и вытащил из открывшейся ниши пакет с заказом.

– Роняли, наверное, – сказал Димыч и подошел к верстаку.

– Роняли! С высоты в сорок метров роняли. И если пять процентов трескалось – забраковывали всю партию. Всю. – Винтик задвинул шкаф наместо.

– Неплохо, – сказал Димыч и взял с верстака молоток.

– Неплохо! – снова передразнил его Винтик, – У меня тут как-то рвануло. Крепко рвануло, грамм на пятьсот...

– Шутишь?

– Ну, не полкило, чуть меньше, там, в дальнем подвале. Никто наверху ничего не услышал. Тут над нами почти пять метров земли и камня.

– Здорово, – сказал Димыч.

– Ну, ладно, – Винтик развернул пакет на верстаке, – вот заказ.

– И что тут? – Димыч подошел ближе.

– Ничего особо военного. Вот эти вот часики надо поставить, как обыкновенный электронный будильник. Хоть на сутки. Как просили, заряд я поставил небольшой, всего сто граммов. Это вам зачем? Прошлый раз...

Сколько именно взрывчатки использовал прошлый раз Винтик, Димыч дослушивать не стал. Молоток ударил Винтика в основание черепа, удар бросил тело вперед, на верстак. Загрели, отлетая в сторону, инструменты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.